

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Странную силу над
нашими судьбами
имеют сказанные
когда-то слова.
Старые заветы
сильнее мечей,
тяжелее меди, крепче
камня – даже если
этот камень впитал
кровь поколений,
народов, династий...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Нефритовая орхидея императрицы Цыси

Юлия Алейникова
Нефритовая орхидея
императрицы Цыси
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23572262

Алейникова, Юлия. Нефритовая орхидея императрицы Цыси:

Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-94730-0

Аннотация

Медальон из нефрита должен приносить своему обладателю богатство и силу – так гласит легенда. В судьбе китайской императрицы старинное заклятие сбылось, вот только за право больше полувека удерживать власть ей пришлось заплатить страданиями ближних и гибелью могучей династии. Прошли века, с карты мира исчезли империи, эпоха великих злодейств навсегда в прошлом. Новые обладательницы нефритовой орхидеи воюют всего лишь за право повелевать мужскими сердцами. Но пока слова легенды не утратили силу, цена за каждую из женских побед будет не менее кровавой, чем во времена императрицы Цыси...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	60
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Юлия Алейникова
Нефритовая орхидея
императрицы Цыси

© Алейникова Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

В конце позапрошлого столетия Китаею правила императрица-дракон – жестокая, кровавая, алчная, сластолюбивая, беспощадная Цыси.

Никто не мог устоять перед ней, поднявшейся от наложницы пятого ранга до всемогущей императрицы и пережившей трех императоров, ни один из которых не умер своей смертью.

Полвека, словно цербер, стерегла она устои Древнего Китая. Одинаково безжалостно она уничтожала иностранцев, покусившихся на многовековые устои Поднебесной, и бунтовщиков, мечтающих избавить великую империю от кровавой интриганки. Железной рукой Цыси вела страну к нищете и гибели. И не было силы, способной остановить ее.

1908 год

Сумрак опочивальни вдовствующей императрицы Цыси дрожал от дыхания собравшихся. Императрица умирала. Угасала целая эпоха. Евнухи, наложницы, служанки толпились вокруг пышного ложа, на котором в одеянии долголетия лежала их госпожа. Она только что сказала прощальное слово, глаза ее закрылись, и верховный евнух Ли Ляньин приблизился к ложу своей возлюбленной повелительницы, упал на колени и разразился слезами.

Рядом с ним ближе к изголовью опустилась на колени юная прекрасная девушка в лиловом халате, расшитом пинами. Ее нежно-розовое личико было печально. Она приподнялась с колен, обняла императрицу и поцеловала ее прощальным поцелуем, замерев на несколько секунд в скорбном оцепенении. Затем торопливо она поднялась и вышла из покоев.

Все знали, что девушка, которую закон считал внучатой племянницей вдовствующей императрицы, была ее родной внучкой. Ее мать императрица Цыси родила от красавца официанта по имени Ши, давно уже упокоившегося на дне старого дворцового колодца.

Пока приближенные скорбели о смерти своей повелительницы, юная красавица выбежала из покоев Западного дворца и торопливым шагом направилась к павильону Радостного созерцания. Здесь за резными колоннами она раскрыла ладонь и с трепетом взглянула на маленький нефритовый медальон.

Орхидея изумительной старинной работы лежала перед Ксиуинг. Ее имя означает «изящество», и разве это не залог того, что она по праву будет владеть этим предметом? Разве внучка великой императрицы должна у кого-то спрашивать разрешения? Вот он, символ ее успеха и могущества. Теперь ей покорится весь мир, она будет повелевать и властвовать.

Ксиуинг с нескрываемым торжеством повесила медальон на шею и поспешила покинуть Запретный город. Она так то-

ропилась, что не заметила маленького щуплого евнуха, одного из многочисленных приближенных покойной императрицы, который проводил ее недобрым взглядом.

Глава 1

2016 год

– Ах ты ж!.. – Капитан Родионов зажал нос рукой и бросился к балконной двери.

Максим Родионов не отличался излишней чувствительностью, иначе бы не работал оперуполномоченным в уголовном розыске. Но картина, представшая перед ним в этой типовой петербургской квартире, подействовала бы на кого угодно.

– Да. Похоже, тело дня два пролежало, – кивнул участковый, прибывший на место происшествия раньше следственной бригады. Участковый был пожилым, коренастым, с невыразительным лицом и крупным сизо-красным носом, ясно говорившим о его наклонностях. – У соседей собака за стенкой выла и на дверь этой квартиры бросалась. Но ждали, видишь ли, пока хозяева с дачи вернутся. Хозяева вернулись, в квартиру вошли – и готово дело. Такой крик поднялся, когда дочь увидели! Матери сразу плохо, инфаркт, отец сейчас на кухне сидит чуть живой. Я ему водочки налил – надо же стресс мужику снять.

Воспользоваться случаем и за компанию приложиться к бутылке участковый явно не преминул.

– Ладно, пусть пока посидит, потом побеседуем. – Максим поднялся и с тяжелым вздохом вернулся в комнату.

Посреди уютной комнаты с большим старомодным ковром и современными кожаными диванами лежало тело в черно-буrom пятне запекшейся крови. Выглядела покойная ужасно. Максим повидал в жизни немало, но такое... Кажется, эта картина не одну неделю будет его преследовать. Нос и уши девушки были отрезаны и лежали здесь же. Не хватало пальцев, и, судя по лежащим рядом обрубкам, их отрезали методично, по одному. На руках и ногах плоть была срезана тонкими длинными ломтиками, раны опалены, и в комнате к запаху гнили примешивался запах горелого мяса.

Максим почувствовал снова надвигающуюся дурноту и вернулся на балкон.

– Да, – криминалист Николай Васильевич последний раз затянулся и затушил окурок, – давно я ничего похожего не видал. Думаю, ее пытали – рот заклеивали скотчем, и не один раз. Раны тоже несколько раз прижигали, края опалены. Не помню давно такого изуверства. А убили ее шашлычным шампуром в сердце.

– Думаешь, действовали несколько? – Максим старался сосредоточиться на деталях и изо всех сил гнал из головы картинку в целом.

– Несколько? Вряд ли. Хотя знаешь, давай завтра об этом.

– Что? – вернулся к бригаде Максим. – Нашли что-нибудь?

– Пока нет. Шампур вот, но нож или лезвие не обнаружены. Чай покойная с убийцей не пила, вообще никаких следов

неформального общения нет. Но дверь не взломана, похоже, сама открыла. В общем, работаем.

Максим вышел на лестницу проверить, как там у Никиты Мухина с опросом соседей.

– Да мы поздно с работы приходим, а дети сейчас с бабушкой на даче. Муж как придет, сразу телевизор врубает. Что мы могли увидеть? – Неряшливая полноватая женщина лет сорока из квартиры напротив явно хотела отделаться от них поскорее. – Вы вон в сто восемнадцатую позвоните, там пенсионерка живет, может, она что-то видела.

– С пенсионеркой говорил? – Максим развернулся к Никите.

– Говорил, но толку? Это ее собака на дверь лезла, только бабулька не особенно внимание обращала. И вообще она глуховата, трусовата, плюс давление, сериалы... По нулям, – махнул Никита и отправился окучивать следующую квартиру.

– Итак, коллеги, что мы имеем. – Максим обвел взглядом свою команду. – Шумилова Елизавета Юрьевна, двадцать шесть лет. Умерла от удара шампуром в сердце после зверских пыток. Эксперты настаивают, что убийцы хотели что-то выяснить, поэтому то заклеивали ей рот, то отклеивали. Нанесен удар по голове. В момент обнаружения убитая была связана скотчем. Дверь преступнику или преступникам открыла сама. Из квартиры ничего не пропало, свидетели пре-

ступления не обнаружены.

Теперь идем дальше. Девочка домашняя, наркотой и алкоголем не увлекалась. Работала в «Плюс видео» продавцом-консультантом. Высшее образование. В личной жизни простой: с бывшим парнем разошлась, нового не завела. С коллегами по работе отношения ровные, с подругами не ссорилась. Убийство произошло в пятницу вечером, когда родители находились на даче. Домой вернулись в воскресенье, обнаружили тело, вызвали полицию. Снятые отпечатки пальцев проверили по базе – никаких результатов. – Максим сделал паузу и оглядел подчиненных так, словно это они были во всем виноваты.

– Так что, народ, руки в ноги и снова соседей трясти: бабок у подъезда, мамаш с колясками, подростков во дворе. Это я к тебе обращаюсь. – Он строго глянул на Никиту. – И давай в этот раз чтобы результат какой-то был. Полозов, ты у нас известный бабник, займешься подругами. – Максим повернулся к Диме Полозову, сидящему по другую сторону стола.

Тот обиженно насупился.

– Никакой я не бабник. Мне просто с женщинами не везет: они меня бросают, приходится новых искать.

Максим с Никитой расхохотались.

Девушки Диму действительно бросали, главным образом потому, что он не мог пропустить ни одной юбки. Серьезные отношения не складывались никак – и это при том, что он

трижды подавал заявление в ЗАГС с тремя разными невестами. Две на бракосочетание не явились, третья в слезах сбежала прямо перед церемонией, когда увидела, как жених кадрит чужую невесту. Скандал был изрядный, Максим сам присутствовал и отпαιвал Димину маму валерьянкой, пока Никита с Олегом Малышевым пытались вернуть невесту. Виновник драмы каялся перед родителями невесты, бил себя кулаком в грудь и кричал о вечной любви к их дочери. Невеста не вернулась. Произошло это недоразумение полтора месяца назад.

Пришлось сжалиться над Полозовым.

– Ладно, отправляйся в «Плюс видео», а с подругами я сам разберусь. Заодно встречусь с родителями покойной, врачи разрешили ее мать навестить. Все, друзья, производственное совещание окончено. Работаем.

В списке подруг убитой Лизы Шумиловой значилось одиннадцать человек. Одна подруга детства, она же троюродная сестра, три по школе, четыре по университету, остальные с прежней работы. Дольше всего Лиза проработала в НИИ Гидравлиза или как-то так, название почти непроезжимое. Около года назад она уволилась и устроилась в «Плюс видео». Стоило начать с близкой подруги, но у той телефон был отключен, и Максим решил начать с конца, то есть с бывших коллег. С коллегами из магазина разберется Полозов.

В НИИ он добрался только к двум, у сотрудников как раз

закончился обеденный перерыв.

– Добрый день, девушки. – Максим приоткрыл дверь отдела и улыбнулся обезоруживающе. – Мне бы Ксению Лукину, есть такая?

Сотрудницы отдела, который на восемьдесят процентов состоял из женщин, все без исключения выпрямили спины и поправили прически.

– Я вас слушаю. – Навстречу Максиму поднялась несимпатичная девица лет тридцати, с лохматым пучком рыжих волос и массивными прямоугольными очками на носу. Очки и волосы сами по себе были ничего – подкачала владелица: бледная, кожа нездоровая, тяжелые черты лица.

– Добрый день, Ксения. Можно вас на пару слов? – Максим распахнул дверь в коридор.

Девица с подозрением рассматривала незнакомца.

– Капитан Родионов, уголовный розыск, – представился Максим и показал удостоверение.

Лукина внимательно изучила документ и без всякого интереса уставилась на гостя.

– Вы знакомы с Елизаветой Шумиловой? – приступил к делу Максим.

– Разумеется. – Она кивнула.

– Давно общались?

– На этот вопрос я отвечу только после того, как вы объясните, что случилось с Лизой.

– Ее убили.

Невозмутимая Ксения Лукина побледнела, губы ее задрожали. В следующую минуту она уже ревела в голос.

– Лиза! Как? Как это случилось? – подвывала девица, и Максим уже пожалел о своей откровенности.

– Убили дома. Зарезали. Мы ищем преступника. Вы можете нам чем-то помочь? – Он говорил, а сам смотрел, как распухает у девицы нос. Что делать в подобной ситуации – поди пойми. Утешать некрасивых девиц он не умел.

– Я... мы давно с ней не виделись. Может, месяц или больше. – Ксения изо всех сил пыталась взять себя в руки. – Нет, точно больше, с майских праздников. И почти не созванивались. Так, Вконтакте на страницу зайдешь, лайк поставишь, и все.

– Правильно я понимаю, что о ее новых друзьях, увлечениях, знакомых вы не слышали?

– Нет. В последний раз болтали о всякой чепухе: о ее новой работе, о наших тетках здесь. Ничего серьезного.

– Хорошо. Если что-то вспомните – вот моя визитка. Вы пока приведите себя в порядок, а я побеседую с Марией Денисовой и Анной Жуковой.

– А они уволились. – Ксения высморкалась в бумажную салфетку и перестала наконец всхлипывать. – Аня на прошлой неделе, а Маша месяца три назад.

– Как уволились, куда? – посуровел Максим.

– Маша замуж вышла и дома теперь сидит, а Аня другую работу нашла.

– Телефоны ваших подруг вы не могли бы мне дать? – Голос у Макса звучал обреченно: предстояла очередная поездка по жаре на другой конец города. Да, и так бывает: июнь в этом году выдался жарким.

Глава 2

1852 год

Весной 1852 года в Поднебесной империи отбирали спутниц жизни для юного императора Сяньфэна. В числе прочих маньчжурских красавиц в круг избранных попала эта шестнадцатилетняя девушка. Императрице-матери она чем-то не приглянулась, и ее определили в наложницы. Императору Китая полагалась одна императрица и столько наложниц, сколько душе угодно.

В придворной канцелярии ее записали как «женщину из рода Нара», без имени. Женские имена в те времена считались не заслуживающими того, чтобы регистрировать их в официальных документах. Не пройдет и десяти лет, как эта наложница, чье имя должны были забыть навсегда, станет правительницей всего Китая. На протяжении полувека она единолично будет определять судьбу трети населения планеты. Эта девушка войдет в историю под именем вдовствующей императрицы Цыси, и каждый ребенок в Поднебесной будет знать, что ее имя означает «благожелательная и веселая».

Шла вторая половина XIX века. Уже двести лет в Китае правила маньчжурская династия Цин, или Предельная чистота. Страной управлял монарх, который все важные решения принимал единолично. Должности главного министра

не существовало, но была канцелярия помощников, которую пышно именовали верховным советом.

Император просыпался на заре, чтобы ознакомиться с донесениями, провести совещания, выслушать чиновников и принять неотложные решения. Донесения со всего Китая принято было рассматривать сразу после их поступления, так что очень редко случалось, что какое-то дело оставалось незавершенным по истечении нескольких дней.

Престол императора располагался в Запретном городе. Этот дворцовый комплекс в виде шестиугольника, раскинувшийся на площади более семисот тысяч квадратных метров, считался, пожалуй, крупнейшим в мире. Помимо рва, его окружала величественная стена высотой около десяти метров, с воротами с каждой стороны и массивными башнями по углам. Почти все здания в этом городе были покрыты глазурованной желтой плиткой, разрешенной одним только императорским постройкам. На солнце их крутые крыши сияли золотом. Великолепные дворцы, пышные сады, изысканные храмы, беседки, павильоны, пагоды – все услаждало взор, радовало душу и говорило о силе и могуществе Сына неба.

Вокруг этого чудо-дворца раскинулся город Пекин. Ближе к Запретному городу возвышались дворцы вельмож, окруженные садами и высокими стенами, дальше лепились дома попроще. С шахт к западу от столицы подвозили уголь. Улицы городов в те времена никто не мостил, поэтому в сухую погоду на них лежала угольная пыль, после ливня превра-

щавшаяся в грязевой поток. От системы стоков исходило зловоние. Отходы просто сбрасывали на обочины дорог, и в них копошились бродячие собаки и городские птицы. Насытившись, воронье стаями летело в Запретный город гадить на золотые крыши.

Взяв несколько в сторону от оживленных улиц, путешественник оказался бы на одной из узких аллей, известных как хутуны. В одном из таких хутунов в десятый день десятого лунного месяца 1835 года родилась девочка, которую назвали Юй Ланьхуа, Нефритовой орхидеей, – будущая великая вдовствующая императрица Цыси.

Дома в квартале, где жила ее семья, были просторными, с тщательно спланированными внутренними дворами и безупречно прибранными покоем, чем разительно отличались от большинства пекинских домов. В соответствии с правилами фэншуй, в жилых комнатах имелись двери и окна, выходящие на южную сторону, откуда падали солнечные лучи. Северную стену делали глухой, чтобы защитить дом от песчаных бурь, посещавших столицу Поднебесной, и от злых духов, которые, как известно, всегда приходят с Севера. Крыши домов в этом квартале крыли серой черепицей. Цвет кровельной черепицы в империи был прописан строго: желтый – для императорских дворцов, зеленый – для домов знати, серый – для всех остальных жителей Китая.

В феврале 1850 года умер император Даогуан и на престол взошел его наследник – император Сяньфэн. Молодой мо-

нарх с младенчества не отличался могучим здоровьем, а тут еще в юности при падении с лошади сломал ногу и с тех пор прихрамывал. В Китае к императору положено было обращаться «Дракон», и злые языки в Пекине прозвали его Хромым драконом.

Едва император Сяньфэн взошел на престол, как по всей империи начался поиск наложниц. Кандидаток набирали из девочек-подростков знатных родов – маньчжурок и монголок, китайнок на конкурс не приглашали. Закон обязывал родителей регистрировать дочерей после того, как они достигали половой зрелости.

Цыси значилась в этом списке и теперь, как и остальные девушки со всего Китая, направлялась в Запретный город.

Дождливым мартовским утром 1852 года двери пекинского дома наместника Хуэйчжэна распахнулись, и на порог шагнула благоухающая, как цветок, наряженная в лучшее свое платье Юй Ланьхуа. За ней, утирая слезы, семенила мать. Маленькая, хрупкая, рано постаревшая, она смотрела на свою старшую дочь глазами, полными страха и надежды.

Если их девочку возьмут во дворец, они никогда больше не увидятся. Но ведь это такая честь! Вдруг, если император ее отвергнет, девочке посчастливится стать женой великого князя?

Ланьхуа крепко держала над собой зонтик тонкими дрожащими пальцами и торопилась к ожидавшей ее повозке.

– Ланьхуа! – окликнула ее мать.

Красавица с досадой и жалостью обернулась. Наклонилась поцеловать мать в последний раз, и нежный лепесток выпорхнул из ее прически и закружился, медленно падая на землю.

Скорее, скорее во дворец. Ланьхуа трепетала от волнения, страха, счастья и предвкушения. Чувства путались, мешались, она ерзала на атласной подушке, то и дело сдвигая ярко-синюю занавеску, чтобы взглянуть на улицу. Плетеная повозка, напоминавшая сундук на двух деревянных колесах – в таких сидели прямо на коленях, подложив для мягкости подушку или циновку, – не спеша катила по узким улицам. Родители наняли эту колымагу специально, чтобы доставить дочь во дворец, и очень радовались, что поездку оплатит казна. На ухабах Ланьхуа подпрыгивала и больно ударялась плечами о стенки.

У въезда в Запретный город стоял уже не один десяток таких повозок. В каждой сидела претендентка на руку и сердце императора. Ланьхуа проверила, не помялось ли платье, легкой рукой коснулась замысловатой рогатой прически, и ее красные, безупречной формы губы дрогнули в улыбке.

Ланьхуа наверняка не была здесь самой красивой, зато ее отличало выдающееся самообладание. При весьма скромном росте, не больше полутора метров, она казалась значительно выше. Все дело было в осанке, туфлях и высокой прическе, но главное – в умении подать себя.

Сидела Ланьхуа всегда прямо и двигалась с достоинством,

даже когда торопилась, а ведь туфли по тогдашней моде носили на высокой – выше десяти сантиметров – деревянной платформе. Природа одарила ее прекрасной кожей и тонкими руками. Вздернутый носик, жесткая верхняя губа, несколько великоватый, но красиво очерченный рот с подвижными красными губами, которые, раздвигаясь, демонстрировали ряд безупречных зубов. Улыбку ее можно было назвать очаровательной.

Самым же привлекательным на ее лице оставались живые выразительные глаза. Да, Ланьхуа знала свои слабые и сильные стороны и собиралась сделать все, чтобы произвести впечатление на императора. Она была красива, умна и уверена в себе, и все же она волновалась. Кто знает, что за вкус у императора? Вдруг он избалован, капризен или ему нравятся толстушки?

Повозки с претендентками все еще стояли на огромной площади под стеной, крытой черепицей желтого императорского цвета. По-прежнему шелестел унылый дождь, хотя некоторые капризные красавицы уже выглядывали из окошек и нетерпеливо спрашивали, долго ли еще ждать. Ланьхуа скромно помалкивала, тоскуя в ожидании и волнуясь, не помялось ли платье.

В этот великий день, когда императору суждено было выбрать спутницу жизни, всякая жизнь в этой части дворца прекратилась. Закрылись канцелярии, не работали склады и мастерские. Не доносились крики ослов, не звенели коло-

кольчики на шеях верблюдов, не переругивались торговцы. Слышался только скрип повозок и голоса ожидающих своей участи красавиц.

Но вот наконец протрубили трубы, распахнулись ворота, и повозки в строго предписанной очередности стали продвигаться по священной земле императорского города. Ланьхуа жадно впитывала новые впечатления – усталость и оцепенение как рукой сняло.

Миновав поросшую кедрами и кипарисами гору Цзиншань, они въехали в широкие Полуденные ворота, увенчанные изящной двухъярусной крышей. Ничего более величественного Ланьхуа не доводилось видеть. Когда ее повозка, грохоча по каменным плитам мостовой, въезжала в ворота Запретного города, сердце Ланьхуа замерло. Три гулких удара, похожие на звон колокола в храме белых дьяволов, возвестили ей начало новой великой судьбы. А длинная нарядная вереница уже двигалась дальше мимо башни Пяти фениксов, которую зовут еще башней Барабанов. В дни торжественных выходов императора на ней положено было бить в исполинский барабан.

Будущие наложницы гарема остановились у той части дворца, где им предстояло провести эту ночь. Раздалась перекличка возниц, зафыркали усталые кони. С наступлением темноты у каждой повозки зажглись светильники в круглых бумажных абажурах, круги света подрагивали всюду на занавесях и мостовых. Участницам императорских смотрин

предстояло провести ночь взаперти, сидя с поджатыми коленями на жестких подстилках, и дожидаться рассвета. Потом они под присмотром евнухов проследуют в зал, где им предстоит встреча с императором.

Они расположатся перед его величеством в несколько рядов, причем на этот раз их освободят от выполнения обязательного ритуала коутоу – опуститься на колени и замереть, касаясь лбом пола. Император должен их рассмотреть в полный рост.

А после тех из них, на кого он обратит свой взор, ждет унижительная процедура осмотра. У избранницы монарха не может быть ни единого изъяна. Бедняжек разденут и проверят даже запах изо рта и под мышками. Осмотрят зубы, уши, пальцы, ногти, ничего не упустят. И, разумеется, все они должны быть девственницами. Выбором будущей императрицы руководила мать наследника. От ее воли и вкуса зависело счастье сотни красавиц, скучающих сейчас у ворот Запретного города.

Ланьхуа прислушивалась к болтовне девушек. Некоторые владелицы изящно украшенных повозок кичились знатностью, другие красотой, третьи заискивали, четвертые тосковали по родным, пятые тихо плакали от страха, усталости и одиночества.

Ланьхуа не желала ни с кем разговаривать. Она вспоминала просторы монгольской степи, ветер, напоенный ароматами трав, прогулки верхом. И еще юношу с золотистыми гла-

зами по имени Жунлу. Если бы не выбор императора, возможно, они бы поженились. Мысли Ланьхуа уносились все дальше, и, наконец, она уснула, прислонившись головой к жесткой стенке повозки. В шаге от этого величественного дворца ей снились скромные покои отцовского дома, лица братьев и сестер и еще золотоглазый Жунлу, который скачет к ней в лучах восходящего солнца.

– Проснитесь, госпожа! Проснитесь! – услышала она сквозь сон.

В повозку заглядывал один из дворцовых евнухов. Бедняжкам принесли умыться и поесть – что ж, спасибо и на том. Вчера они уснули голодными, во всяком случае, те, кто, как Ланьхуа, не догадался взять хоть что-нибудь на ужин. Но прошло утро, успел забыться скудный завтрак, а ожидание все тянулось, как будто соперничало с этим надоедливым морозящим дождем.

Ланьхуа, кажется, задремала и проснулась, только когда волна напряжения захлестнула площадь, сообщая, что главное, ради чего они прибыли во дворец, вот-вот произойдет.

Ворота распахнулись, и главный евнух в богато расшитом платье склонился перед дамами в поклоне и пригласил их следовать во дворец. Девушки покинули повозки и в сопровождении дворцовых евнухов направились через двор к внутренним воротам, именуемым воротами Высшей гармонии. Путь к ним пролегал по одному из пяти мраморных мостов, перекинутых через Золотую реку – Нэйцзиньшуй. Мо-

сты символизировали пять добродетелей.

Сердце Ланьхуа билось, как пойманная в силки птица. Она с трудом могла различить высокие ступени, темную позолоту тронного зала, замысловатую резьбу колонн. Единственное, что она видела, – возвышавшийся посреди залы трон. На трон поднялся юноша в золотых одеждах. Все существо Ланьхуа замерло, и все ее молитвы сейчас были об одном – чтобы он заметил ее среди сотен других девушек. Она изо всех сил старалась поймать его взгляд, запомниться, произвести впечатление.

Главный евнух упал на колени и что-то говорил императору, разворачивал перед ним свитки, но Ланьхуа ничего не замечала и не слышала – она не сводила глаз с того, кто должен был сегодня определить ее судьбу. И вот, о чудо, он медленно повернул голову, скользнул глазами по нескольким рядам претенденток и задержался на ней. Ланьхуа постаралась вложить в ответный взгляд весь пыл души, все свои надежды. Император отвернулся.

До чего же он тонок и слаб. Ланьхуа была разочарована. И все же от него зависит счастье каждого жителя Поднебесной. И ее, Ланьхуа, счастье тоже.

Церемония представления закончилась, и император, покинув трон, спустился, чтобы внимательнее рассмотреть претенденток.

Прибывшие во дворец девушки уже прошли строгий отбор придворных евнухов. Помимо происхождения, важную

роль здесь играл характер каждой из них. Сейчас перед императором будущие наложницы должны были продемонстрировать любезность, обходительность и скромность. Вдобавок ко всему они должны были знать, как вести себя при дворе. Чтобы не отвлекать монарха своим нарядом, им было велено не надевать слишком яркую одежду: платье следовало выбирать простое, со скромной вышивкой по подолу.

А ведь обычно маньчжурскую одежду украшали от души. Богатой вышивкой отделявали не только ворот и манжеты, но и все платье. Туфли на деревянной платформе высотой четырнадцать сантиметров требовали безупречной осанки. На голове красавицы носили веерообразные прически, по виду нечто среднее между короной и сторожевой башней, с вплетенными в волосы драгоценными камнями и цветами, когда того требовал случай. Чтобы выдержать подобное украшение, требовалась крепкая шея.

Ланьхуа попыталась вложить в улыбку всю нежность, на которую только была способна, а взгляду придала восхищение и страсть.

Император неспешно двигался вдоль рядов, с тоской разглядывая первых красавиц Поднебесной. Вот он приблизился к Ланьхуа и чуть задержал на ней взгляд. Его величество Сяньфэн обнаружил симпатию к этой претендентке, и придворный евнух придержал анкету с ее персональными данными. Ланьхуа провела во дворце еще один день, прошла последнюю, самую тщательную проверку и вернулась домой.

На 26 июня 1852 года был назначен переезд Ланьхуа в ее новый дом.

Увы, мечта юной Орхидеи не сбылась: она не стала императрицей. Ее зачислили в наложницы и присвоили самую низшую категорию, шестую.

Ланьхуа была подавлена. Разве об этом она мечтала? Разве не отметил ее сам император?

Ах, как жаль, что выбор императрицы зависел не от него. Жenu для сына выбрала его мать, а ей Ланьхуа не понравилась. Императрицей стала Чжен. Не первая красавица, зато покладистая, приветливая, умеющая управляться с большим числом слуг. А еще она была слишком худа, и Ланьхуа уже шепнули, что император за глаза называет супругу Тошним фениксом. Разумеется, сплетни, не стоит их и слушать.

Ланьхуа поселили в гареме – запертом для посторонних квартале внутри дворцового комплекса. Здесь не было той пышности, что в парадной части дворца, предназначенной для мужчин. Зато здесь цвели деревья и кусты и повсюду были разбиты клумбы с декоративными каменными горками. Гарем, с его щебетом птиц и цветочным благоуханием, был подобен райскому саду. В саду звучала музыка, и сотни красавиц изо дня в день ждали, когда же Сын неба обратит на них свой божественный взор. Иногда в ожидании проходила вся жизнь.

Императрица занимала целый дворец, а наложницам по-

лагались отдельные домики. Их украшали расшитым шелком и обставляли резной мебелью, но любую демонстрацию личного вкуса обитательницы здесь считали излишней. Домик Ланьхуа ничем не отличался от тех, что занимали ее соседки.

Потекли дни, недели, месяцы – однообразные, заполненные ожиданием. Император ни разу не вспомнил о своей наложнице по имени Лань.

Ланьхуа часто бродила по садам гарема и видела престарелых наложниц покойного императора. Некоторые из них вошли во дворец совсем юными девушками, но так никогда и не видели своего повелителя. Они прожили пустую бессмысленную жизнь – ни детей, ни мужа, увяли, так и не познав цветения. Такая участь могла ожидать Ланьхуа.

Ее тяготили однообразно текущие дни, наполненные пустой болтовней с соседками, мелкими ссорами, вышиванием и прогулками по саду.

Дворцовые евнухи склонялись перед ней в поклоне, у нее была богатая одежда и целых четыре служанки – и все же она чувствовала себя в золотой клетке. Ланьхуа томилась в неволе.

Теплый ветер едва колыхал занавеску, в комнате царил привычный полумрак. Ланьхуа сидела за любимым полированным столиком и выводила кисточкой иероглиф «безмятежность». Рука двигалась легко и точно – сказывались часы

упражнений.

Но, хотя рука двигалась уверенно, в душе Ланьхуа никакой безмятежности не было.

Невозможно сидеть и ждать, когда император вспомнит о тебе. Да и быть причисленной к рангу «драгоценных людей», иначе говоря, к низшей категории наложниц – вовсе не достижение. Но ведь ей совершенно некому помочь.

Ланьхуа с раздражением услышала, как за стеной снова хнычет Кианг, ее соседка. Эта дуреха дни и ночи напролет ревела, портя цвет лица, – а все потому, видите ли, что тосковала по семье и любимому дому. Но что толку горевать? Разве от этого что-то изменится?

Ланьхуа отложила кисточку и прошлась по комнате. Подошла к шкатулке, куда складывала жалованье, приходящее из казны, и пересчитала монеты. Кажется, у нее появилась идея. Она позвала своего доверенного евнуха, вручила ему несколько монет и попросила пригласить придворного ювелира.

Да, ей давно пора придумать, как выбраться из этого богом забытого угла. В эту глухую часть сада никто никогда не заглядывает, и уж тем более император.

– Ань Дэхай, я хочу посадить перед окнами орхидеи, ведь здесь так тоскливо. Пригласи завтра садовника. Я желаю, чтобы цветы цвели круглый год.

Пусть она живет в глухом углу, но его можно сделать таким прекрасным, чтобы император сам пожелал посетить

ero.

Глава 3

2016 год

– Алиса Викторовна! Новый заказчик звонит, кажется, крупный. На кого переключить? – Секретарша Олечка говорила взволнованным шепотом, словно боялась, что заказчик на другой линии может их подслушать.

– Давай на меня, – устало распорядилась Алиса.

По большому счету поговорить могли Олег или Наталья, но раз заказчик крупный, лучше не рисковать. Все же на дворе кризис, а строительство загородных домов и ремонт помещений – это скорее роскошь, а не первостепенная необходимость. Стоит ли удивляться, что число заказов в их фирме резко сократилось.

– Добрый день, слушаю вас, – энергично поприветствовала Алиса незнакомца. Даже улыбку на лицо натянула для пущей убедительности, хотя собеседник и не мог ее видеть.

– Здравствуйте. Меня зовут Лаврентьев Кирилл Алексеевич, я представляю интересы китайского торгового дома. Наша компания выкупила особняк в центре города, и теперь мы ищем надежную строительную фирму, которая сможет произвести необходимый ремонт.

У Алисы даже слюнки потекли. Ремонт целого здания, да еще в центре! Таких серьезных заказов у них еще не было. Эх, жаль, Ильи нет на месте. Вдруг этот Кирилл станет зада-

вать специальные вопросы – придется выкручиваться.

Илья Терехин был мужем Алисы и совладельцем фирмы. Именно он, инженер-строитель, в свое время создал фирму и развивал ее. Потом уже Алиса оставила свою филологическую работу, окончила курсы дизайнеров и влилась в коллектив. Как-то незаметно она перетянула на себя все организационные и управленческие дела, оставив мужу сугубо профессиональную сферу.

Сейчас Илья находился на объекте под Выборгом. Вряд ли он вернется раньше вечера. Придется выкручиваться самой.

– Вашу фирму мне порекомендовали знакомые. Вы строили им дом несколько лет назад, отзывы были положительные, и я решил к вам обратиться. Считаю своим долгом предупредить: мы ведем переговоры сразу с несколькими компаниями, и выбор остается за китайской стороной.

– Что ж, Кирилл Алексеевич, спасибо, что обратились к нам. Мы с удовольствием представим вам наши предложения, но для начала хотелось бы осмотреть объект. Мы должны оценить масштаб работ и узнать требования и пожелания заказчика.

– Разумеется. Мы с вами можем встретиться прямо на объекте. Например, завтра во второй половине дня вас устроит?

– Минуту, – протянула Алиса, делая вид, что проверяет завтрашний график. И после небольшой паузы решительно

произнесла: – Да, вторая половина дня нас устроит. Записываю адрес.

– Петроградская сторона...

Алиса попрощалась, положила трубку на стол и снова устала на стену. Нужно звонить Илье, предупреждать о встрече с заказчиком – без него на объекте делать нечего. Но звонить мужу не хотелось, разговаривать с ним – тем более. Энтузиазм улетучился, а в голову полезли невеселые мысли.

Как им дальше работать вместе? Что делать с фирмой? Поделить? Бред. Делить нечего, кроме столов и компьютеров. Может, ей вернуться на кафедру, если, конечно, возьмут? Предоставить Илье полную свободу действий и настоять на своей доле прибыли с каждого заказа? В конце концов, это и ее фирма, она немало потрудилась ради ее репутации и не обязана жертвовать собственным благополучием только потому, что муженек переспал с какой-то шваброй. Возможно, и не раз.

Да, ее муж, ее родной и горячо любимый Илья Терехин взял и изменил ей.

Подло, мерзко, неумело – Алиса в два счета его раскусила. Этот идиот сказал ей, что поехал на встречу с заказчиком, а заказчик позвонил в фирму договориться с Ильей о встрече на следующей неделе.

Алиса до сих пор без стыда не может вспомнить тот разговор.

А потом она слушала, как муж неумело выкручивается,

а потом проследила за ним и увидела, как он обедает с какой-то девицей. Дальше он повез девицу домой. К ним домой!

Алиса была жгучей брюнеткой с длинными прямыми волосами, бледной кожей и тонкими чертами лица. Девица тоже оказалась брюнеткой, невысокой, чуть более упитанной. Вульгарные манеры, пухлые сочные губы. Что в ней привлекло Илью, кроме этих губ, было не ясно. Ладно бы она оказалась блондинкой или рыжей, тогда еще можно списать все на жажду разнообразия. А так, выходит, просто похоть?

Дрожь омерзения в очередной раз охватила Алису, когда она представила, как ее муж целует чужую девицу. И не только целует! Об этом думать было совсем мерзко, и Алиса постаралась отогнать ужасную картину. Муж с посторонней женщиной занимаются сексом в их спальне!

Алиса застала их в кульминационный момент, когда они стонали и охали друг у друга в объятиях, а девица в экстазе еще и выкрикивала всякие скабрёзности. Какая мерзость!

Она вскочила с места и заходила по кабинету, пытаясь избавиться от навязчивых видений. На глаза навернулись слезы от обиды и жалости. К себе.

Почему она такая несчастная? И как он мог ее так предать? Так подло, так унижительно!

Алиса вспоминала, как муж заметил ее и, все еще сидя верхом на девице, принялся лепетать что-то в свое оправдание. Потом он бежал за ней по квартире, голый, в одной про-

стыне, а эта мерзавка даже не потрудилась простыню натянуть – вероятно, чтобы Алисе было лучше ее видно.

Боже, какая гадость. Алиса убежала из дома, Илья потом искал ее у подруг, звонил родителям, даже бабуле. Пришлось объяснять всем, почему они поссорились и почему она не желает с ним мириться. Ни о каком примирении, естественно, не могло быть и речи. Родители ее поддерживали. Све-кровь нет.

Жили они оба по-прежнему в своей квартире: он в спальне, она в гостиной. Илья уже несколько раз делал попытку помириться, но Алиса держалась как камень, хотя на развод почему-то не подавала. На работе было еще труднее: то и дело возникали ситуации, требующие обсуждения.

Да, как ни крути, из фирмы придется уходить. Алиса вздохнула и вернулась за стол. Обидно. Она уже втянулась в новое дело, сдружилась со всеми. Да и руководить ей нравилось намного больше, чем принимать зачеты у студентов. И еще за последние полгода ей удалось воплотить два собственных дизайнерских проекта. Да, очень жаль. Может, попробовать устроиться в другую строительную фирму? Хотя кто ее возьмет на работу в разгар кризиса?

Она крутилась в кресле, предаваясь раздумьям, когда ожил мобильный.

– Алиса, деточка... – Мамин голос звучал так, что Алиса немедленно выпрямилась, перестала вертеться и приготовилась принять очередной удар судьбы.

– Что случилось? Папа? Бабушка?

– Нет, детка, – всхлипнула мама. – Лизу убили!.. Тетя Люда в реанимации, дядя Юра звонил.

Алиса онемела от ужаса. Лиза была ее троюродной сестрой и лучшей подругой. Они росли как родные сестры, их родители дружили с детства, и они знали друг друга с рождения. И вдруг убили?..

– Когда? Как? – Онемевшие губы шевелились с трудом.

– Вчера вечером тетя Люда с дядей Юрой с дачи вернулись, а она ... – мама заплакала навзрыд. – Мне сейчас Юра звонил. Вчера не смог: Люду в больницу увезли, следовательно приехал... Сейчас к ним поеду. Ты сможешь с работы уйти?

– Конечно. Сиди дома, я тебя заберу, и вместе поедем.

Алиса вскочила с места, схватила сумку, попыталась сообразить, что еще нужно взять или сделать.

Лизу убили. Не распускаться – ей сейчас за рулем сидеть. Лизу убили. Нет, только не реветь. И разревелась. Плюхнулась обратно в кресло – не выходить же к сотрудникам с заплаканным лицом – и дала волю чувствам.

Все самые счастливые воспоминания детства у нее были связаны с Лизой. Они вместе ходили в детский сад, в школу, вместе отдыхали на даче, один месяц с Лизиной мамой, другой – с Алисиной. Вместе ездили на море и ходили в театры. Вместе увлекались гимнастикой, только у Алисы пошло лучше и ее взяли в спортшколу, а Лиза занялась фигурным катанием. А еще они влюблялись, поверяли друг другу тайны,

ходили друг к другу на свидания для подстраховки, вместе пробовали курить и прикрывали одна другую перед родителями. Да, Лиза была для нее всем. Как она теперь будет жить?

В голове крутились сотни трогательных, смешных и грустных воспоминаний. Слезы постепенно высохли, приступ слабости прошел. Высморкавшись и утерев последнюю слезу, Алиса взглянула в зеркало. Лицо распухло, нос красный. Но ехать нужно, и, надев большие темные очки, она поспешила к маме. Перспективный заказчик, разумеется, уже вылетел у нее из головы.

– Бабуля, как ты думаешь, найдут Лизиного убийцу?

Алиса сидела с ногами на диване и наблюдала, как бабушка раскладывает пасьянс.

С бабушкой Валерией Константиновной они очень дружили. Даже больше, чем с мамой. С бабулей Алиса могла поделиться любым секретом. Им нравились одни и те же фильмы и книги, они часто сходились в оценке людей и событий. Даже профессию выбрали одну – обе окончили филологический. Единственное, чего не разделяла Алиса, так это легкомысленного отношения бабушки к мужчинам. Валерия Константиновна после развода с дедом побывала замужем четырежды. И это не считая легких увлечений.

Алисины личная жизнь была гораздо скромнее, тут она пошла в маму. По маминой линии все было чинно и бла-

гопристойно: и мама, и бабушка, и прабабушка, и, кажется, даже прапрабабушка выходили замуж один раз и на всю жизнь. И доживали со своими избранниками до самой старости. Алиса такая же. Хотя нет, такой она была до измены мужа. Теперь-то что загадывать?

– Не знаю, детка, – покачала головой Валерия Константиновна. – Карты говорят, что найдут, а жизненный опыт – что нет, не выйдет. Не верю я в нашу сегодняшнюю полицию, увы. Какие-то они стали равнодушные, беспринципные. Положа руку на сердце, я даже не уверена, что они попытаются хоть что-то предпринять.

Бабушкины слова звучали здраво, но Алисе хотелось возразить.

– Но ведь это ненормально! Такое зверское преступление не может остаться безнаказанным. Я не знаю, как мне пережить Лизину смерть. Но, понимаешь, сознание того, что человек, совершив злодеяние, продолжает наслаждаться жизнью, просто непереносимо. Меня от ненависти и жажды мести просто наизнанку выворачивает! – Алиса поднялась с дивана, подошла к ломберному столику в эркере, за которым бабушка раскладывала пасьянс. – А ты разве не считаешь, что любое злодеяние должно быть наказано?

Бабушка проживала в огромной четырехкомнатной квартире на Большой Конюшенной, в самом центре Петербурга. Но дело было даже не в размерах. Эта квартира досталась бабушке от второго мужа. Его отец был известным рестав-

ратором, работал в Эрмитаже, помогал восстанавливать Петергоф, и его собственная квартира в стиле модерн была не отремонтирована, а именно отреставрирована и обставлена с большим вкусом. Второй бабушкин муж тоже был реставратором, пусть и не таким известным. И хотя к моменту его смерти в середине 1990-х они были уже лет пятнадцать как разведены, все имущество он оставил именно ей.

Бабушка и раньше жила в хорошей трехкомнатной квартире в доме на Московском проспекте. Она досталась ей от третьего мужа, который эмигрировал в Израиль. Получив в собственность квартиру на Большой Конюшенной, бабуля тут же переехала. Сейчас она сдавала в аренду квартиру на Московском проспекте и еще двухкомнатную на Васильевском острове, в которой жила с Алисиным дедушкой до их развода. Этот доход, плюс пенсия и зарплата (бабуля продолжала преподавать в университете) позволяли ей держать домработницу и жить на широкую ногу.

От четвертого мужа бабушке совсем недавно досталась чудесная дача в Комарове, двухэтажный каменный особняк со всеми удобствами, и роскошная квартира в новом доме на Петроградской стороне. Бедняга четвертый муж был бодр и полон сил, продолжал работать в союзе журналистов, но сердечная недостаточность в один миг перенесла его в лучший мир. Родственники, понятно, были крайне недовольны покойным. Особенно сыну от первого брака не понравилось, что все самое ценное имущество досталось по завещанию

последней жене, с которой его отец и прожил-то не больше семи лет.

– Конечно, любое преступление должно быть наказано. – Бабушка отложила в сторону колоду карт. – Но, знаешь, с возрастом учишься все принимать спокойнее. Нет, не то. Просто появляется уверенность, что если не люди, то бог или судьба, природа, называй как знаешь, покарают злодея. Гармония будет восстановлена, даже если мы об этом не узнаем.

– Меня такой расклад не устраивает, – решительно возразила Алиса. – Я хочу, чтобы его покарали сейчас, и как можно жестче. Знаешь, я сейчас даже жалею, что в нашей стране отменили смертную казнь. По мне, так есть преступления, за которые просто необходимо расстреливать. Если бы это было возможно, то не один, а пять раз!

Алиса снова устроилась на диване, бабушка вернулась к пасьянсу, и в комнате повисла тишина. Но долго молчать в таком состоянии у Алисы не получилось.

– Мама говорит, что это был маньяк. А ты как думаешь?

Бабушка снова откинулась на спинку кресла и устремила взгляд в окно. Темный профиль на фоне светлого июньского неба был безупречен, уложенные завитками седые волосы казались мраморными. Если не брать в расчет седину, бабушка выглядела на редкость молодо – при знакомстве ей можно было дать не больше сорока пяти.

– Маньяк? – Кажется, она размышляла вслух. – Нет, я так не думаю. Насколько я знаю, а я, безусловно, не специалист,

маньяк нападает на жертву в местах общедоступных: в парке, в подъезде, в лесу. А Лизин убийца проник к ней в квартиру, и, судя по тому, что ты мне говорила, Лиза сама его впустила. Думаю, он приходил именно к ней. Вопрос только, что этому извергу понадобилось от бедной девочки. – Бабушкин голос впервые дрогнул, и она поспешила отвернуться к окну.

Валерия Константиновна превосходно умела владеть собой. Это качество она считала обязательным для каждого воспитанного человека. «Ты же не провинциальная простушка, чтобы охать и визжать из-за любого пустяка», – наставляла она в детстве внучку, и приподнятая с укоризной бабушкина бровь была для Алисы важнее родительской похвалы или порицания.

Валерия Константиновна была невысокой, можно даже сказать, миниатюрной женщиной с безупречными манерами и спокойным голосом, но все ее почему-то побаивались: и коллеги, и сын с невесткой, и даже многочисленные мужья. Была в ней очевидная любому внутренняя твердость.

Алиса бабушку не боялась.

– Я тоже не думаю, что это маньяк, – кивнула она. – Вот только интересно, откуда в Лизинем окружении мог появиться такой человек? Я знаю всех ее подруг, о ее увлечениях мне тоже известно. Ни разу Лиза не упоминала о ком-то с нездоровой психикой. И вообще о ее неприятностях мне как-то ничего неизвестно. А знаешь, – вдруг переключилась она на другое, – мы же в пятницу утром тоже с ней созвани-

вались. Она предлагала встретиться, не хотела, чтобы я из-за Ильи кисла. Звала к ним на дачу, говорила, что на турбазу в Орешники можем выбратся вдвоем. А я, дура, отказалась. К нам заказчик из Москвы на выходные приезжал, мы ему дом в Зеленогорске достраиваем. Обязательно надо было в офисе появиться, в субботу и воскресенье мы смету на дополнительные работы с ним согласовывали. Представляешь, у меня ни минуты не нашлось, чтобы Лизе позвонить. А ведь если бы я наплевала на все и поехала с ней на дачу, ничего бы не случилось!

Алису накрыла волна раскаяния, слезы градом брызнули из глаз.

– Плачь, плачь, детка, не стесняйся, – тяжело вздохнула бабушка. – Только ни в чем ты не виновата: Лизу убили умышленно, а ваша поездка на дачу просто отсрочила бы это несчастье. Или не отсрочила бы. Или вы бы пострадали обе, не дай бог! В любом случае твоей вины здесь нет. Лиза сделала свой выбор, как каждый из нас, я в этом уверена. Каждый сам выбирает свою судьбу. А кстати, почему она не поехала на дачу?

– Не знаю, дядя Юра не говорил. – Алиса перестала всхлипывать. – Может, у нее была назначена встреча с убийцей? То есть она, конечно, не знала, что это убийца.

– Может быть. Неплохо бы уточнить, как все было, Юру только жаль тревожить.

– Ему сейчас какие-то транквилизаторы назначили, мама

тетю Таню по дружбе попросила. Он такой, знаешь, заторможенный, как будто сонный. Думаю, можно позвонить. – Алиса уже суетилась, искала в сумке телефон.

– Дядя Юра, это я, Алиса. А почему Лиза с вами на дачу не поехала? – Она специально спросила вот так в лоб, чтобы не дать ему расстроиться. – Ага, спасибо. Поняла. Как тетя Люда? Можно к ней? Хорошо. Спасибо. До свидания.

– Что же? – поторопила Валерия Константиновна.

– Говорит, у Лизы какие-то дела были. Может, просто неохота ей было с родителями все выходные сидеть. Насчет конкретных встреч ничего не говорила. Я вот думаю, не стоит ли к ней на работу смотаться и с девчонками поговорить?

– Съезди, вдруг что-то выяснишь, – одобрила ее план бабушка. – Только, пожалуйста, будь осторожна. Помни, что это мог быть кто-то из ее коллег.

– Конечно, не волнуйся.

Алиса чмокнула бабушку в щеку и поспешила в «Плюс видео».

Глава 4

1855 год

– Прошу вас, взгляните, как чудесно цветут орхидеи! Это особый сорт, он зацветает очень рано. И такой аромат!.. – Главный евнух, низко кланяясь, показывал дорогу лениво бредущему императору.

Властителю Поднебесной было безразлично, на что смотреть. Он молод, но уже пресыщен жизнью. Он плохо себя чувствует, у него снова несварение желудка. Этот сад давно наскучил ему, и никакие орхидеи не могут его заинтересовать. Все, чего он хочет, – дойти до павильона «Чистое цветение» и прилечь. На часах полдень, в это время император привык отдыхать. Не исключено, что, если там окажется хорошенькая служанка из хань, китайнок, стройная и нежная, как лепесток лилии, с маленькими ступнями и тонкими пальчиками, он осчастливит ее. Но Ли Ляньин так уговаривал своего повелителя совершить эту маленькую прогулку, что он решил не спорить. В конце концов, не все ли равно, где гулять. Здесь он хотя бы избавлен от встречи с императрицей Цыань, а это уже кое-что.

– Чей это голос? – поднял голову император Сяньфэн, и на его вытянутом лице впервые в это утро появилось выражение, напоминающее любопытство.

Из глубины аллеи доносилось пение – чистый голос выво-

дил прекрасную мелодию.

– Это Орхидея, или Ланьхуа, ваше величество. Именно она разбила цветник, который я хотел вам показать.

Император любил музыку, особенно же почитал оперное искусство. Он уже рассмотрел благоухающий цветник у павильона «Тень платанов» и вот теперь поднимался по ступеням, чтобы окунуться в прохладу, напоенную ароматами цветов и благовоний. Комнаты в павильоне были весьма искусно расписаны от пола до потолка символом его обительницы, орхидеями.

От скуки Ланьхуа занялась живописью, и так успешно, что даже император оценил ее труды. Да, надо признать, такой прелестной комнаты он давно не видел.

Евнухи, низко склонившись перед Сыном неба, пятились вон из комнаты, а очаровательная красавица-певунья приготовилась к битве за свое будущее. Этот шанс она не могла упустить.

Недаром же Ланьхуа почти год задаривала приближенных к императору евнухов драгоценностями, очаровывала, интриговала, сумела даже подружиться с императрицей Цыань. Конечно, император не особо жаловал свою добродетельную супругу и звал ее за глаза Тошим фениксом (феникс был символом императрицы, как дракон – символом императора). Все эти сплетни Ланьхуа с удовольствием пересказывали дворцовые евнухи, которых она щедро одаривала, тратя на подношения почти все жалованье. И все же Цыань была

императрицей, единственной законной супругой императора, а значит, следовало заручиться ее поддержкой.

Наложница с необычным именем Орхидея приглянулась императору. Он удобно расположился на шелковых подушках и с ленивым одобрением взирал на грациозную красавицу. Ее голос убаюкивал, движения были изящны, не зря же Ланьхуа потратила целый год на совершенствование манер и занятия танцами.

Но не только танцы занимали ее. Познания в истории и поэзии, которыми обладала эта наложница, сделали бы честь иным ученым мужам. Сяньфэн любил поэзию не меньше, чем музыку, и разговор с Ланьхуа пришелся ему по вкусу.

А она пела, очаровывала, сплетая тончайшие сети из мелодий, запахов и слов. Изнеженный император поддался очарованию и провел в покоях Орхидеи весь день.

Едва его паланкин скрылся в тени вечернего сада, как она упала от усталости на застланное пурпурным покрывалом ложе. Развлекая императора, она не позволила себе расслабиться ни на секунду: стоит допустить малейшую оплошность, как все будет насмарку. А ведь она не становится моложе, и во дворец каждый год привозят новых наложниц. Некоторые из них уже успели подняться до третьей категории! К первой принадлежит сама императрица, ко второй – единственная хуан гуй фэй, драгоценная наложница императора. Ланьхуа была бы рада и третьей категории – оказаться просто гуй фэй, драгоценной наложницей.

А еще дворец полон служанок, которых набирали из хань, китаянок. У них маленькие ножки, тихие голоса, фарфоровые лица. По сведениям Ань Дэхая, император неравнодушен к маленьким ножкам.

Его величество, как было доподлинно известно, не отличался постоянством и разборчивостью. Один из его доверенных евнухов, толстый, одышливый, лоснящийся от самодовольства Веймин, сообщил ей по секрету, предварительно получив в подарок драгоценную нефритовую шкатулку, что император частенько посещает Сады совершенной ясности, куда ему доставляют девиц из пекинских домов терпимости.

Узнав такие подробности, Ланьхуа еще полгода назад задумалась, как она сможет поддерживать интерес Хромого дракона, как за глаза называли императора его собственные придворные. Танец, поэзия и чарующий голос помогут ей привлечь его внимание. Но удержать?..

Менее настойчивая и волевая девушка давно бы сдалась, как ее соседка плаксивая Кианг и десяток других девиц, киснущих в своих павильонах. Но Ланьхуа не собиралась сдаваться.

Пришлось с помощью Ань Дэхая нанять блудницу, искусную в плотских утехах, чтобы не оплошать, если ей все-таки выпадет случай и император пожелает ее осчастливить.

Не успели эти воспоминания вихрем пронестись в хорошенькой головке Ланьхуа, как в дверь павильона постучали. Ань Дэхай поспешил встретить посетителя. Через минуту он

вернулся, сияющий, как новенькая монета.

– Что скажешь, Ань Дэхай?

– О госпожа! – ее верный слуга захлебывался от восторга. – Император даровал вам чин наложницы и избрал для сегодняшней ночи!

Он торжественно распахнул занавес, чтобы впустить в комнату делегацию служанок и евнухов, которые несли корзины розовых лепестков, сосуды с благовониями, покрывала, украшения, ароматические смолы. Каждый входил со своей ношей, низко кланялся и сладко улыбался Ланьхуа.

– Приказ наложнице Лань! – провозгласил старший евнух, падая перед Ланьхуа на колени и протягивая нефритовую табличку с ее именем.

Впервые за два года пребывания во дворце она ощутила внимание к себе. Сейчас она лежала в благоухающей ванне, усыпанная розовыми лепестками, и две служанки расчесывали ее шелковистые волосы, евнухи нашептывали комплименты, а Ань Дэхай перечислял все плюсы ее нынешнего положения.

– Теперь у вас будет своя корова, госпожа! И жалование ваше увеличится до ста тридцати лянов! А еще каждый день утка и цыплята. И мой любимый сорт чая!

Ничего, пусть порадуется, без его поддержки Ланьхуа вряд ли удалось бы достичь цели. Пусть полакомится, толстый обжора. Бедняга и без того лишен главного мужского достоинства и ужасно страдает. Ланьхуа сама однажды под-

слушала его разговор со старой Лули, наложницей покойного императора. Он рассказывал, как горюет и мучается при виде стольких красавиц, даже плакал.

Ланьхуа набрала в ладошку горсть ярко-красных, как капельки крови, лепестков, поднесла их к лицу, вдохнула густой аромат и вспомнила, что случилось три месяца назад.

На дорожках сада в Запретном городе лежал хрустящий снежок, в морозном воздухе кружились снежинки, многочисленные обитательницы гарема кутались в шали и жались ближе к печкам. Ранние синие сумерки окутали павильоны. Казалось, все замерло, укрылось от стужи за толстыми стенами домов.

На душе у Ланьхуа было тоскливо. В этот вечер она как никогда ощущала свое одиночество. Она не завела себе здесь подруг: девицы раздражали ее. Одни важничали и задирали нос, хвастаясь знатной фамилией или стремительной карьерой. Последнее было особенно обидно. Многие девушки, попавшие в гарем позже Ланьхуа, уже получили более высокую категорию. Хотя, спрашивается, чем они лучше?

За последний год Ланьхуа заметно похорошела. Подростковую угловатость сменили мягкие линии и округлые формы. Глядя на зазнаек из богатых семей, она набралась приличных манер, а однажды даже наняла себе учителя. Это случилось после того, как, желая услужить императрице, Ланьхуа вызвалась подавать чай и одна из наложниц принялась публично ее высмеивать за деревенскую неуклюжесть.

Ланьхуа едва сдержалась, чтобы не ответить нахалке как полагается. И хорошо, что сдержалась. Императрица сама одернула девицу, а Ланьхуа взяла с тех пор под свое покровительство. Не воспользоваться этим было нельзя, и она подружилась с императрицей. Высокое покровительство всегда может пригодиться, а Ланьхуа решила не пренебрегать ничем на своем пути к величию и славе.

Да, к величию и славе. В конце концов, никто не вечен в этом мире, может и с императрицей что-нибудь случиться. Главное – не упустить свой шанс.

А шанс все не представлялся. Казалось, император навсегда забыл о ней. Ни разу он не пригласил ее в свои покои. Ланьхуа тяжело вздохнула. Ситуацию просто необходимо переломить. «Вспомни», – шептала она себе, – слова мудрого Сюньцзы: «Вместо того чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах?»

И Ланьхуа призвала Ань Дэхая. Увы, она сделалась слишком зависимой от него. Но что поделать? Наложницы не могли покидать Запретный город. Вдобавок у него обширные связи во дворце и за его пределами. И, кажется, он ей верен. Во всяком случае ее восхождение сулило выгоду и ему.

– Послушай, – она шептала в самое ухо евнуха, – отыщи мне колдунью. Мне нужна сильная ведьма. Денег не пожалю. И тебя тоже отблагодарю.

– Госпожа, – в ужасе отшатнулся Ань Дэхай, и его мягкие

пухлые щечки затрепетали. – Что вы задумали? Вы ведь не замышляете что-то дурное?

– Нет, конечно. – Она сердито стукнула кулачком по колену. – Это будет самое благое дело. Оно станет благом для нас обоих, ведь если я добьюсь своего, и ты не пожалеешь. Так ты сможешь отыскать такую женщину?

– Я постараюсь, но, госпожа, такие дела быстро не делаются. Вы желаете, чтобы я привел ее сюда, во дворец?

– Конечно, дурак, я же не могу отсюда выйти. Постарайся. Она сунула в потную ладонь мешочек с монетами. Эта простая мера всегда придавала резвости ее неповоротливому гонцу.

Ждать пришлось больше недели, и Ланьхуа уже стала охладевать к своей затее, когда однажды промозглым вечером Ань Дэхай сообщил, что нашел ту, кого она искала. Сегодня ночью старуха обещала прийти.

– Ох, не сносить мне головы, если нас поймают! – причитал он, заглядывая в глаза застывшей, словно изваяние, госпожи.

Уже в следующую минуту щеки Ланьхуа зарделись, а сердце забилося так, как будто она карабкалась по склону холма.

– Кто она? – спросила красавица, когда снова обрела дар речи. – Где ты ее нашел?

– В лачуге на краю города. Говорят, она принадлежит к древнему ханьскому роду, а ее предки служили при дворе императоров Мин звездочетами или лекарями, никто точно

не знает. Эта семейка давно занимается колдовством.

– Когда она придет, Ань Дэхай, оставь нас одних, но будь неподалеку.

«Кто знает, чего ожидать от старой ведьмы», – добавила она про себя.

Ланьхуа начала уже засыпать под заунывный вой ветра, плутовавшего среди сливовых деревьев в саду, когда раздался еле слышный стук в дверь. Она проснулась мгновенно, все вспомнила и стремительно обрела ясность мысли.

В комнату просунулась голова евнуха. Он бросил красноречивый взгляд на госпожу и пропустил вперед сгорбленную, замотанную в отрепья старуху.

– Это Чунтао. – Он с трудом сдержал улыбку.

Чунтао – «весенний персик». Надо же, какая насмешка судьбы. По тому, как зло глянула старуха на своего провожатого, стало понятно, что она все-таки заметила улыбку.

– Тебе ли насмеяться надо мной, получеловек? Посмотрим, на что ты станешь похож в старости – на жирную устрицу?

Смех у нее оказался резкий, скрипучий. Ань Дэхай задохнулся от возмущения, незаметно плюнул сверху на старуху и вышел, как того и хотела Ланьхуа. И что за блажь ей пришла в голову связаться с таким злобным пугалом?

– Что скажешь, красавица? – Без всякого почтения старуха подошла поближе к печке, постукивая своими туфлями. – Хочешь подхлестнуть судьбу?

Она скинула шаль, распахнула тряпье, в которое была замотана, и по комнате поплыл густой аромат роз. У Ланьхуа даже голова закружилась от такого сильного запаха.

Она молча разглядывала старуху. Сморщенное темное лицо, маленькие глаза прячутся в складках сухой кожи. Губы запали, щеки обвисли. Ночная гостья была невероятно уродлива, но в чертах ее лица, в тонком носе и линии скул угадывалась давняя красота. Узловатые пальцы, скрюченные, с длинными желтыми ногтями напоминали когти хищной птицы. Ступни у старухи были маленькими и выгнутыми, как копытце, значит, она действительно происходила из хань. Интересно, какой была эта колдунья в молодости? Помнит ли об этом кто-нибудь? И помнит ли она сама? Не превратится ли она, Ланьхуа, в такое же страшилище, прожив во дворце бессмысленную, пустую жизнь?

– Что, не нравлюсь? – скрипела старуха. – Да, когда-то красивейшие и богатейшие мужчины добивались моего расположения. Все проходит, и первой проходит молодость. – Она с кряхтением уселась на пол перед Ланьхуа. – Так чего же ты хочешь?

Черные, как бездна, глаза вдруг открылись и заглянули Ланьхуа в самую душу.

– Хочу стать императрицей! – выдохнула Ланьхуа и сама поразилась словам, слетевшим с губ.

Она не думала об этом. Или только об этом она и думала? Не о любви императора, не об успехе во дворце, а о главном,

что даровало бы ей власть, богатство, влияние во всей Поднебесной.

– Да, я хочу стать императрицей, – твердо повторила она и открыто посмотрела в глаза старухе.

– А чем ты готова заплатить?

– Я отдам все, что у меня есть, – не колеблясь, ответила Ланьхуа.

– Этого слишком мало. – Старуха усмехнулась.

– Но что еще я могу предложить?

– Когда-то мой род потерял все: земли, богатство, положение. В этом виноваты Цин, – прошипела колдунья.

– Но это было так давно.

– Моя утрата не имеет срока давности. Ты можешь купить успех и величие, заплатив могуществом империи. Чем выше будешь подниматься ты, тем ближе к гибели окажется династия Цин.

Старуха явно бредила. Похоже, она просто сумасшедшая, зря Ань Дэхай притащил ее.

– Испугалась? Или считаешь, что я спятила? – Старая ведьма как будто читала ее мысли. – Смотри.

Она порылась в складках своей одежды, вытащила на свет шелковую тряпицу, развернула ее и показала небольшой нефритовый медальон. Ланьхуа от любопытства вытянула шею.

– Знаешь ли ты историю? – сверкнула старуха черными, как тушь, глазами. – Помнишь ли ты любимую наложницу

императора Сюань-цзуна, прекрасную Ян Гуйфэй?

– Она жила очень давно.

Ланьхуа равнодушно повела плечом. Что ей за дело до несчастной, задушенной под грушевым деревом больше тысячи лет назад.

– Ян Гуйфэй была прелестна, как фея с нефритовых гор. Она обладала властью над императором, ей подчинялся двор, она принимала решения и вершила судьбы. Не было более могущественной женщины в Поднебесной!

– И что же с того?

Ланьхуа чувствовала, как дрожь предвкушения пробегает по телу.

– Ее взлет был подобен чудесной сказке, а власть над императором безгранична, – шептала старуха скрипучим голосом. – Возможно ли такое чудо без благоволения небес?

– Да говори же скорее, ведьма!

– Волшебный амулет, дарующий власть над сердцами людей, Ян Гуйфэй получила в даосском монастыре, где проходила очищение перед тем, как стать драгоценной наложницей. Говорят, его похитили незадолго до гибели Ян Гуйфэй, и похитительница – не кто иная, как Мэйфэй, отвергнутая наложница императора. Она затаила обиду на Ян Гуйфэй и выкрала амулет, а сама пропала навеки.

– Ты хочешь сказать, что медальон, который ты держишь в руках...

– Да, это он. Он столетиями хранился в нашем роду, но я

готова уступить его тебе за скромное вознаграждение в тысячу лянов и все могущество Китая.

– Ты смеешься надо мной? Тысяча лянов за какую-то безделицу? Да где же я возьму такие деньги?

– Не успеешь ты и глазом моргнуть, как у твоих ног будут все сокровища Запретного города, – проскрипела старая ведьма. Глаза ее потухли, она спрятала в ладони медальон и, крихтя, стала подниматься с пола. – Впрочем, если эта цена для тебе чрезмерна...

– Нет, постой! – Ланьхуа вскочила. – Я заплачу тебе. У меня нет такой суммы, но я отдам тебе украшения и свадебный подарок императора. Ань Дэхай, немедленно неси шкатулку!

На пороге появился евнух и затряс головой.

– Принеси, я приказываю, – спокойно повторила Ланьхуа. – Вот. – Она передала старухе большую резную шкатулку, украшенную императорским драконом. – Ты продашь это и выручишь больше, к тому же я заплачу тебе сто лянов. Ты согласна?

Старуха недоверчиво приоткрыла крышку, засунула внутрь свой длинный нос и осмотрела подношение.

– Ладно, договорились. – Она снова достала медальон. – Но смотри же: медальон помогает только тому, кто сам хочет помочь себе. Береги его, и пусть он будет с тобой, когда ты встретишь Сына неба. Потеряешь медальон – потеряешь все. А теперь дай руку.

Ланьхуа протянула ладонь. Ведьма выхватила из-под шали длинную иглу, уколола ее палец, и капелька крови Ланьхуа упала на медальон. Потом старуха проколола свою руку, чтобы их кровь смешалась на резных лепестках орхидеи. Колдунья обожгла амулет на свече и протянула его Ланьхуа.

– Теперь договор скреплен. Береги медальон и не упусти свое счастье.

Старуха накинула на голову несколько вылинявших, изодранных по краям старых шалей и, не прощаясь, покинула павильон. Шкатулку она бережно прижимала к себе. Ань Дэхай поспешил ее проводить.

– Ох, госпожа, что вы натворили? Зачем поверили этой старой ведьме? Обманула она вас, ох, обманула! – причитал теперь по вечерам Ань Дэхай.

Прошел месяц, а император так и не вспомнил о наложнице Ланьхуа. Круглый медальон с искусно вырезанной орхидеей ни на шаг не помог бедняжке приблизиться к цели.

– Не спеши, Ань Дэхай. Все случится, дай только время. – Ланьхуа безмятежно выводила кисточкой очередной цветок орхидеи на стене своей комнаты. – Я чувствую: близок мой час.

Она действительно это чувствовала. Нефритовая орхидея словно вела ее за собой, подсказывала, что делать, придавала силу и уверенность. Ланьхуа полюбила в минуты отдыха гладить орхидею пальцами, ласкать ее, словно живую. Это

занятие помогало ей отрешиться от забот, а выход из любой ситуации находился сам собой, будто по волшебству.

– Прошу вас, госпожа, – прервал поток воспоминаний голос служанки.

Ланьхуа открыла глаза, увидела протянутое покрывало и поднялась из ванны.

Она трепетала, мысли путались. Скоро ее понесут к императору! Нет-нет, надо сосредоточиться и вспомнить все, чему ее учила Шан, искусная куртизанка. Ланьхуа натирала благовониями, а она, погрузившись в себя, вспоминала уроки любви.

Наконец, наложницу, по обычаю обнаженную, чтобы не прихватила кинжал, оставили посреди комнаты и позвали евнуха-посланца. Он должен завернуть ее в белоснежное покрывало из пуха цапли, символизирующей невинность, и отнести на плечах в покои повелителя.

– Стойте! – опомнилась Ланьхуа. – Мой медальон!

– Невозможно, госпожа. Никаких украшений! – дружно оживились служанки.

– Ань Дэхай, сейчас же приколи его к прическе, да поторапливайся! Слышишь?! – Ланьхуа задрожала от волнения. Евнух с покрывалом уже стоит на пороге, а этот толстый олух еле шевелится. – Ань Дэхай, быстрее!

– Спешу, моя госпожа, спешу!

Наконец медальон был приколот к прическе. Ланьхуа закутали с головы до ног в покрывало, и процессия, окружен-

ная фонарями, двинулась в покои императора.

Ланьхуа ничего не видела, кроме яркого света звезд. Она слышала шаги, угадывала рядом тяжелое дыхание евнуха. Она была спокойна.

Процессия вошла во дворец. Резные двери опочивальни распахнулись, Ланьхуа бережно поставили на пол. Покрывало упало, и она увидела широкое ложе с богато расшитым пологом и бледное узкое лицо императора Сяньфэня на подушке. Остальной мир исчез для нее. Она шагнула навстречу своей судьбе.

Глава 5

2016 год

– Слушай, к нам уже из полиции насчет Лизы приходили. Прикольный такой парень, совсем на мента не похож. Все глазки мне строил, даже думала, на свидание пригласит, – стрекотала Лизина коллега, как будто забыла, какой повод привел Алису к ним в магазин. – Только, понимаешь, я совершенно ничего не знаю. Вообще не в курсе, кто мог иметь на нее зуб.

– Соня, я же не об этом совсем хотела поговорить. Ты не знаешь, почему она на дачу с родителями не поехала? Может, у вас какие-то общие планы были?

– Планы? – задумалась Соня. – Слушай, давай к стиралкам отойдем, а то у нас строго насчет болтовни на рабочем месте. Вон уже старший менеджер присматривается. Тебе, кстати, стиральная машина не нужна? У нас сейчас акция – беспроцентный кредит на очень хорошие модели.

– Спасибо. Мне сейчас не до стиралок, не до холодильников, даже фен-щетку меня не интересует. Вспомни: вы с Лизой в выходные никуда не собирались? Или, может, кто-то из девчонок?

– Особых планов не было. У меня вообще все от Дани зависит. – Соня кокетливо опустила ресницы. – Вроде говорили, что можно будет в боулинг сходить или в клуб в субботу

вечером. Но так и не созвонились.

Соня была младше Алисы и Лизы и казалась жутко легкомысленной.

– А с кем еще Лиза общалась в магазине?

– С Катей и с Сашей. Вон они стоят возле телевизоров.

Алиса направилась к телевизорам.

– Да нет, никаких планов не было, а на дачу она не поехала, потому что неохота было все выходные на грядке сидеть, – охотно принялась объяснять толстая курносая Саша. – Она сама говорила, что лучше у телика валяться, чем огурцы полоть.

Похоже, так оно и было. Огород Лиза никогда не любила, да и кто его любит? Правда, вот тетя Люда с дядей Юрой увлекались сельским хозяйством, и это при том, что в овощах с грядки не очень нуждались, могли позволить себе и в магазине купить. Но почему она, Алиса, не заехала к Лизе ни в пятницу, ни в субботу? Могли бы действительно в боулинг сходить или в клуб. Хотя нет, Алисе было не до веселья.

– Ладно, девчонки. Извините, что оторвала от работы.

Могла бы это и не добавлять: в огромном зале магазина покупателей можно было пересчитать по пальцам. Кризис.

– Алиса, подожди.

Мимо коробок с бытовой техникой к ней спешила Катя. Во время разговора она помалкивала, а теперь, пожалуйста, проснулась.

– Да, Катя. Ты что-то хотела спросить?

– Не знаю, стоит ли об этом говорить. Но в последнее время с Лизой происходили какие-то странности. Полиции я ничего не сказала, меня бы на смех подняли. Но вам скажу.

Алиса взглядом поторопила ее.

– В последнее время Лиза смеялась, мол, она, наверное, резко похорошела, потому что от мужчин, желающих познакомиться, отбоя нет.

Алисе оставалось только пожать плечами. Лиза была девушкой интересной, а с тех пор, как год назад она рассталась со своим гражданским мужем, пребывала в активном поиске.

С Денисом они разошлись на почве финансовых разногласий. Несколько лет они вместе снимали квартиру, и вот в один прекрасный день он предложил взять ипотеку, но оформить ее почему-то на Лизу. Она тогда еще работала в государственном НИИ и, кажется, имела право на какие-то льготы. Лиза, в принципе, не возражала, но хотела в таком случае официально оформить их отношения, чтобы не остаться в одночасье с невыплаченным кредитом и дышащими в спину коллекторами. Денис ни с того ни с сего заупрямился. Это было странно, потому что до этого они прожили душа в душу три с половиной года, и родители молодых с обеих сторон уже всерьез поговаривали о свадьбе и внуках.

Лиза обиделась. От ипотеки она категорически отказалась, а в личных делах потребовала определенности. В ответ на такое недоверие обиделся Денис, и не прошло и месяца,

как они разбежались, причем каждый считал себя оскорбленной стороной. С тех пор Лиза не оставляла попыток устроить свою личную жизнь.

– Понимаешь, – объясняла Катя, – все эти истории были какими-то слишком странными. Я тогда еще пыталась Лизе об этом сказать, но она отмахнулась, мол, летом всегда так. Для мужиков летом все девушки красивые, лишь бы юбка была покороче. Но это не тот случай. Мне кажется, кто-то специально добивался знакомства с ней. Просто ей этот типаж категорически не нравился.

– Подожди, – перебила Алиса, – ты только что говорила, что к ней клеились разные парни.

– Разные, но все они, по Лизиному описанию, были очень похожи. И потом, она не очень обращала на них внимание, потому как всерьез взялась за нашего замдиректора.

– Да-а? – с интересом протянула Алиса. – А мне ни слова не сказала, тихушница! – На минуту она вдруг забыла, какой печальный повод привел ее в магазин, и приготовилась с удовольствием посплетничать.

– Наверное, рассказывать пока было не о чем. Он к нам всего пару месяцев назад пришел. Все девчонки на него запали. Вон он как раз в дверях стоит, – скосила глаза Катя.

Алиса с интересом взглянула в ту сторону. Действительно, интересный мужчина. На вид лет тридцать пять, костюм, белая рубашка, галстук. Сейчас он за что-то строго выговаривал одному из сотрудников.

– Это он, Илья Петрович, – подтвердила ее догадку Катя. Алиса немедленно почувствовала к этому типу отвращение.

– Тезка моего мужа, – помрачнела она. – Так что у них с Лизой было?

– Пока ничего. Я же говорю, на него почти все сотрудницы глаз положили, не только Лиза. Но в итоге почти все отпали, остались Лиза и Маша из маркетинга. Он, кажется, вообще не в курсе, что за него настоящая битва идет. Знаешь, мне кажется, прочие представители мужского пола Лизу в последнее время просто не интересовали.

Надо же, то ничего интересного, а то сразу и замдиректора, и Маша из маркетинга, и неизвестный тип, единый в нескольких лицах.

– Катя, постарайся, пожалуйста, вспомнить подробности тех уличных знакомств.

Алиса решила начать с главного. С замдиректора она всегда успеет разобраться, тем более с Машей из маркетинга.

– По-моему, всего попыток познакомиться было пять. Каждый раз в другом месте: у дома, в нашем торговом комплексе, в метро, еще где-то.

– Если предположить, что это был один и тот же человек, выходит, он ее просто преследовал? – Алису поразило это открытие.

– Если это был один и тот же человек, тогда да, – неохотно согласилась Катя. Алисин вывод ей, кажется, не понравился.

– Не пойму, что значит «если».

– По Лизиним словам, они все были похожи. Но Лиза ведь не дурочка, узнала бы, если бы это был один и тот же человек.

– погоди, что-то ты меня совсем запутала. Если это были разные парни, тогда ничего удивительного: Лиза – девушка симпатичная, на нее всегда обращают внимание. А если это один и тот же, как она могла его не запомнить?

Катя, кажется, уже пожалела о своей болтливости. Она покосилась в сторону замдиректора.

– У меня обеденный перерыв в два, давайте встретимся в кафе на первом этаже.

В кафе так в кафе. Алиса взглянула на часы и отправилась в путешествие по магазинам. Настроение было скверным, срочно требовались положительные эмоции. Кстати, и скидки на летние коллекции уже начались.

– Садись, Катя. Заказывай, что хочешь, я угощаю.

Но Катя ее щедрость не оценила.

– Спасибо, я нормально зарабатываю и в состоянии за себя заплатить.

– Извини, не хотела обидеть. Просто хотелось как-то компенсировать потраченное время, – пошла на попятный Алиса. Катя была из таких, кто может замкнуться и вообще ничего не сказать, если обидится всерьез. – Так что там с этими пятью ухажерами?

– Я видела одного из них. – Катя нехотя подняла на нее

глаза. – Он шел за ней по нашему комплексу, Лиза потом со смехом рассказывала, что он пытался ее «склеить».

– И как он выглядел?

– Безликий. Среднего роста, волосы русые, светлая борода. Самое обыкновенное лицо, просто не за что зацепиться. Тогда это никого особенно не заинтересовало. Но через день с Лизой снова попытались познакомиться, на этот раз в метро. А еще через день – у ее дома. И уже после этого я заметила того самого невзрачного типа возле нашего торгового комплекса. Он сидел в машине недалеко от служебного входа и явно кого-то высматривал.

– Как же ты его узнала, если он такой безликий?

– Так там машин немного, выходят только сотрудники, а они подолгу не сидят, домой торопятся. Я шла мимо него и успела рассмотреть. Жарко было, он боковое стекло в машине опустил.

– Ясно. Допустим, он встречал кого-то. А может, он тоже работает здесь, в комплексе, и ждал коллегу?

Неожиданно Алису прервал телефонный звонок.

– Извини, – улыбнулась она Кате. – Да, Оля, слушаю.

– Алиса Викторовна, а вы где? Там заказчик волнуется. Спрашивает, долго ли вас еще ждать, и требует номер вашего мобильного! – доложила секретарша.

Ох, надо же! Как она могла забыть? Вчера же только договаривалась с новым заказчиком встретиться на объекте. Забыла совершенно и Илью не предупредила. Хотя что удив-

ляться? Сразу после этого разговора на нее обрушилось известие о смерти Лизы, потом она в расстроенных чувствах решила переночевать у бабушки, и они полночи обсуждали версии Лизиной гибели, а с утра она помчалась в «Плюс видео». Все ясно, не ясно только, что с заказчиком делать.

– Оля, позвони ему, принеси извинения, скажи, что у меня случился форс-мажор – сестра погибла. И срочно отправляй к нему Илью Александровича.

– Ильи Александровича нет в офисе, он снова в Выборг уехал. Там газобетон бракованный завезли, и он поехал разбираться.

Газобетон, как же. Небось с очередной пассией развлекается. Алиса тут же представила мужа в объятиях незнакомой девицы, на этот раз блондинки. Кажется, эти видения стали доставлять ей какое-то извращенное наслаждение.

– Так что мне заказчику сказать, Алиса Викторовна? – ныла в трубку Оля.

– Сейчас, дай подумать. Вот что: попроси прощения, что так вышло, а я сама ему перезвоню через час. Итак, Катя, – она выбросила из головы всех заказчиков и вернулась к главному, – почему ты решила, что он преследует Лизу? И почему вообще ты подумала, что к ней приставал один и тот же человек?

– Мне в тот момент мама позвонила и попросила по дороге зайти в аптеку. Я остановилась, чтобы записать название лекарства, и видела, как из дверей вышли Лиза с девочками.

Сразу после этого машина тронулась за ними. Дальше все пошло к метро, а мне в другую сторону.

– Так, с этим разобрались. Что было потом?

– Мне показалось подозрительным, что этот тип так прилип к Лизе. Конечно, я ничего такого не подумала, просто встревожилась. – Катя вдруг напряглась, покраснела, а потом выпалила на одном дыхании: – Год назад один такой тип изнасиловал мою сестру.

– Ох, какой ужас! – Алиса непроизвольно прикусила губу.

– Сестре было шестнадцать, и эта сволочь мало что изнасиловала ее, так потом еще и избил. Холеный такой тип на иномарке.

– А его нашли? Сестра номер запомнила?

– Нашли, только отпустили, – с ненавистью откинулась Катя. – У него оказались очень влиятельные знакомые в правоохранительных органах. Нас же еще и припугнули, мол, будем жаловаться – сестру в проституции обвинят.

– Сволочи! – не сдержалась Алиса.

– Именно, – кивнула Катя. – Теперь понимаешь: когда я заметила, что тот мужик следит за Лизой, сразу напряглась. Попыталась предупредить ее, но она была так занята охотой на замдиректора, что все прочие мужики были ей до лампочки. Она даже не запомнила, как эти типы выглядели. Но ведь если бы у них были какие-нибудь особые приметы или один был бы очень привлекательным, а другой уродливым, а третий толстым, что-то она бы наверняка запомнила?

– Пожалуй, – без особой уверенности согласилась Алиса. – А почему ты это полиции не рассказала?

– О сестре я рассказала – и что толку? У меня теперь на них на всех аллергия.

– А ты не запомнила номер машины и марку?

– Сейчас.

Катя достала айфон, полистала и показала Алисе экран. Серебристый «Ниссан Кашкай» был снят со стороны багажника, номерной знак можно было разглядеть без труда.

– Слушай, какая ты молодец! А водителя ты не сняла?

– Нет. Незаметно не получилось, а нарываться на неприятности, знаешь, не хотелось.

Снова завибрировал телефон.

– Алиса Викторовна? – Звонивший ей человек был явно раздражен и обеспокоен. – Это Кирилл Лаврентьев. Вы меня очень подвели. Я прождал вас на объекте больше получаса. Вам не кажется, что это не лучшее начало сотрудничества?

– Да, разумеется, вы совершенно правы.

Что ж, заказчик не дождался ее звонка и позвонил сам. Признаться, Алису это удивило. Другой бы на его месте вычеркнул их форму из списков как не заслуживающую доверия, а этот, надо же, телефон раздобыл, звонит, зануда, отчитывает.

– Простите, так сложились обстоятельства. Два дня назад зверски убили мою кузину, и это событие выбило меня из колеи. Если вы согласны дать нам еще один шанс, я могу

подъехать на объект завтра в любое удобное для вас время, – без всякой надежды на успех предложила Алиса.

– Хорошо. Не будем откладывать и встретимся на месте в десять утра.

– Буду непременно. И спасибо вам за понимание.

– Алисонька пришла! Илюша, Алиса пришла! – Свекровь встретила ее радостным воплем, стоило Алисе переступить порог дома. – Переодевайся скорее, сейчас будем ужинать!

Да, Галина Николаевна приехала не зря. По квартире плыл густой аромат яблок с корицей – значит, в духовке поспевал любимый Алисин пирог, а на плите, судя по всему, томилась баранина с медом. Пришлось напомнить себе, чего ради затевается это пиршество и что ему предшествовало.

– Спасибо, я не голодна.

– Не говори ерунды. Это после работы? Да посмотри, какая ты худенькая, совсем отошала без нормального питания. Мой руки – и за стол. Я уже накрыла.

Свекровь отбыла на кухню, уверенная, что Алиса не устоит.

Она устояла. Картина «любимый муж скачет верхом на девице» укрепила ее решимость. Подавитесь вы своим пирогом. Руки Алиса, разумеется, помыла, потом сходила на кухню за ложкой и устроилась с йогуртом перед телевизором.

– Алисочка, где же ты застряла? Идем. – Заглянула в комнату свекровь.

– Спасибо, я на диете. – Алиса не посчитала нужный обернуться: с матерью предателя не обязательно быть учливой.

Свекровь тихонько прикрыла дверь, на цыпочках прошла в комнату и уселась рядом с Алисой на диване.

– Дорогая моя девочка, я тебя очень хорошо понимаю, – ее рука поглаживала Алисину ладонь. – Но, поверь мне, Илья тоже мучается. Это было катастрофическое недоразумение. Он очень тебя любит. Очень! Даже похудел от переживаний.

Алиса приподняла брови. Когда она заходила на кухню за ложкой, бодрый и румяный муженек крутился у стола, пытаясь урвать раньше всех кусок дымящейся баранины.

– Да, – твердо повторила свекровь. – Он практически не ел со дня вашей ссоры. Звонит мне каждый день. Взрослый человек едва не плачет! Послушай, Алиса, давай говорить начистоту. В жизни каждого мужчины случаются увлечения. Так уж они устроены. – Свекровь говорила тоном классного руководителя. – Некоторые, кто поумнее и поопытнее, обставляют все тонко, чтобы жена не узнала. Но изменяют все.

– Неправда. Изменяют бабники и похотливые козлы, так им и жениться не стоит.

Что они ее, за слабоумную наивную дуру держат?

– Алиса, что за выражения? Вот уж не ожидала, что ты на такое способна. Девочка из такой семьи!

– Я тоже не ожидала, что ваш сын на такое способен, – парировала Алиса.

Нет, точно они ее держат за дуру. И свекровь тоже хороша

– прибежала их мирить. Что они, дети малые? Помиритесь, детки, дайте друг другу мизинчики и больше не ругайтесь? Думает, пирог испекла и дело в шляпе?

– Алиса, Илья страшно раскаивается. Он клянется, что подобное не повторится. В конце концов, право на ошибку имеет каждый. – Свекровь решила сменить тактику. – Он так тебя любит, вы прекрасная пара. Стоит ли рушить свою жизнь из-за какой-то, прости господи, потаскухи?

Надо же, как интересно все повернулось. Оказывается, все рухнуло не из-за его измены, а из-за потаскухи. Мило.

– У вас вся жизнь впереди. Да ты через пару месяцев и не вспомнишь, из-за чего вы поссорились. Пойдем со мной. Илья еще раз попросит прощения, мы перевернем эту страницу, и дело с концом. Пойдем. – Свекровь решительно взяла ее за руку и поднялась с дивана.

– Спасибо, не стоит. – Алиса отняла руку. – Я не хочу прожить жизнь с человеком, которому не доверяю. Каждый раз, когда он будет говорить по телефону, я буду думать, что звонит любовница. Когда будет ехать на встречу с заказчиком – стану проверять, сказал ли он правду. Спасибо, увольте. И вот еще что: завтра я подаю на развод.

Неожиданно для самой себя Алиса поняла, что созрела.

– Знаешь ли, не ожидала от тебя! – вскочила свекровь. – Вот не думала, что ты способна на такое!

– Можно уточнить, на что именно? – сладко поинтересовалась Алиса. – Интересно, что бы вы сказали, если бы Илья

застал меня в постели с другим мужиком? Как бы вы тогда меня называли?

Свекровь задохнулась в поисках подходящего ответа.

– Все, разговор окончен. Передайте Илье, что он может развлекаться сколько угодно, но не в этой квартире.

– А что так? У него здесь половина собственности, может делать, что хочет, – ехидно прищурилась свекровь.

– Вы правы, – спокойно согласилась Алиса. – Пусть только помнит, что и у меня здесь половина собственности.

– Нахалка неблагодарная! – бросила на прощанье свекровь и, громко топая, вышла из комнаты.

Настроение было испорчено окончательно.

Глава 6

2016 год

– Докладывайте, народ, какие результаты.

Максим пошире распахнул окно и оглядел свою команду.

С момента убийства Елизаветы Шумиловой прошло четыре дня, но ни зацепок, ни подозреваемых в деле по-прежнему не было.

– Вот список опрошенных коллег Шумиловой, вот протоколы допросов соседей. Никто ничего не видел, не слышал и не знает, – кивнул на стопку бумаг сердитый Дима Полозов.

– А у тебя что? – Максим повернулся к Никите.

– То же самое. Мамаши, собачники, автолюбители – никто ни сном ни духом. Дом пятнадцатизэтажный, на этаже по десять квартир. Там можно по подъезду экскурсии водить, и никто внимания не обратит. Хоть бы одна любопытная старушка попалась на лавочке у подъезда. Так нет ни лавочек, ни старушек – одни парковки.

– Иначе говоря, вы утверждаете, что покойная сама себя раскромсала, а потом тихо скончалась от потери крови?

– Нет. Но свидетелей нет.

Дима Полозов огрызнулся, потому что устал строить глазки девицам от семнадцати до семидесяти. Такой подход он считал делом чести и очень уставал, если приходилось работать с дамами пожилыми или некрасивыми. Впрочем, несмотря

на трудности, Дима честь мундира держал высоко.

– Недорабатываете, господа... – Договорить Максим не успел: зазвонил внутренний телефон. Полковник Кадышев прогудел сочным басом:

– Родионов? Здорово. Что у вас? Версии есть? Подозреваемые?

– Михаил Захарович, мы с ребятами...

– Ясно. Слушай сюда. В Красносельском районе найден труп. Женщина, умерла от потери крови, многочисленные увечья. Мотанись-ка с ребятами. Похоже, все-таки маньяк.

– По коням, еще один труп. Намечается серия, – обрадовал сотрудников Максим. – Через три минуты вниз.

– Итак, Полина Евгеньевна Изотова, тридцать восемь лет. Разведена, воспитывает сына. Ребенок сейчас у бабушки с дедушкой в Хабаровске на каникулах. В Петербурге из родственников проживает брат – Нестеров Владислав Евгеньевич, тридцать один год, работает в фирме «Азконнект». Чем занимается фирма – пока не уточнили. Бывший муж Изотов Макар Игоревич проживает с новой семьей, алименты платит исправно. Работает в городском транспортном предприятии. На время убийства имеет алиби: был с женой и ребенком в магазине «Детский мир», покупал подарок сыну от второго брака. Из соседей в день убийства трое были в отъезде, одна на сутках, еще один спал с похмелья. Почерк убийцы тот же, у экспертов сомнения нет. Остается выяснить, что

связывало погибших, и найти убийцу.

Максим замолчал, приглашая всех делиться соображениями.

– Внешне девицы совсем разные. Шумилова – брюнетка с зелеными глазами, Изотова – русая, а глаза серые. Шумилова стройная, даже худощавая, Изотова пухленькая. Опять же Шумилова живет в Калининском районе, а Изотова – на другом конце города, в Красносельском. И еще разница в возрасте больше десяти лет, – перечислял Никита. – На серийное не очень похоже.

– Согласен, – кивнул Максим. – Дай бог, чтобы оно таким и не стало. Только маньяка нам не хватало для пущей радости.

– Значит, надо искать связь между убитыми. А чем Изотова занималась? – вклинился Полозов.

– Держала свой ресторан на Загородном проспекте. – Максим заглянув в свои заметки.

– Не слабо, – присвистнул Никита. – А хороший ресторан или так, забегаловка?

– Я в Интернете пошарил: ресторан приличный. Два зала, европейская и азиатская кухни. Пресса опять же не обходила молчанием. Дела у покойной, судя по всему, шли неплохо. Помимо квартиры, в которой ее убили, у Изотовой имеются трехкомнатные апартаменты в комплексе «Балтийская жемчужина». Дом сдан, в квартире идет ремонт.

– Состоятельная дамочка. Но с Шумиловой ничего обще-

го, та после расставания с бойфрендом с родителями проживала, – заметил Дима.

– Кстати, как там бойфренд, Максим Владимирович? – спохватился Никита.

– Работает в логистической компании, сейчас постоянной подруги нет. Утверждает, что с Шумиловой расстались мирно. Последний раз виделись около года назад на дне рождения общих приятелей. На время убийства твердого алиби не имеет.

– Надо выяснить, был ли он знаком с Изотовой, – предложил Дима.

– Дельная мысль. Вот ты и займись, – тут же распорядился Максим. – Значит, так: задача номер один – найти связь между убитыми, задача номер два – найти свидетелей, задача номер три...

– ...найти убийцу, – хором, как в первом классе, подхватили лейтенанты.

– А можно сразу убийцу? – съехидничал Никита.

– Можно. Но без доказательной базы не нужно, – в тон ему ответил Максим.

– Владислав Евгеньевич, расскажите, с кем в последнее время общалась ваша сестра.

Максим рассматривал мужчину напротив.

Нестеров был высоким, физически развитым парнем. Явно не бедствует: в разгар жары на нем строгий дорогой ко-

стюм. Лицо открытое, нос прямой, глаза светло-карие. Слегка вьющиеся короткие волосы, брови вразлет. Формы носа и губ, судя по фотографиям, общие с сестрой, разумеется, до того, как над ней поработал убийца. Максим с содроганием вспомнил, как выглядело тело, когда они прибыли на место. Да, хотя он и был готов к тому, что увидит в квартире убитой, легче от этого не стало.

– Я нечасто виделся с сестрой. Люди взрослые: у нее своя жизнь, у меня своя. Созванивались регулярно, но о ее знакомствах я вряд ли могу что-то сообщить.

– Хотите сказать, что никого не знаете? – Владислав Евгеньевич Нестеров, кажется, переставал казаться Максиму таким уж приятным.

– Почему, знаю кое-кого из сотрудников ресторана. Метра, шеф-повара, главбуха – тех, кто давно работает. Знаю старых подруг, но, думаю, заглянув в мобильник, вы узнаете гораздо больше. Ведь Полинин телефон у вас? – слегка оживился Нестеров.

– Да, телефон у нас. Но я рассчитывал, что вы сможете сообщить какие-то подробности ее личной жизни. Возможно, у нее были неприятности – личные или по работе. А может, имелся постоянный поклонник? Друг? – Максим подбирал слова в надежде натолкнуть брата на какие-то идеи.

– Серьезных отношений у нее не было, о них я бы действительно знал. Что касается увлечений... Лучше спросите в ресторане. Но сразу скажу: для сестры работа всегда была

на первом месте. Во всяком случае, после развода. К мужикам она серьезно не относилась.

– Почему?

– Мне кажется, она до сих пор любит Макара. А может, просто не попался никто стоящий. Хотя романы у нее случаются регулярно, это да.

Так, придется всех ее мужиков разыскивать и у всех алиби проверять. А заодно и у нынешней жены этого самого Макара.

В конце разговора Нестеров осторожно спросил:

– Скажите, я могу заехать к сестре на квартиру? Надо же навести там порядок до приезда родителей и Артема. Темка – это мой племянник. Так можно, да?

Разговор с братом вышел совершенно непродуктивный. И вел он себя странно – слишком спокойно для человека, у которого зверски убили родную сестру. Хотя разозлило Максима не это. В конце концов, каждый вправе переживать горе как умеет. Разозлило его полное отсутствие полезной информации и равнодушие к работе следствия. Что ж, значит, придется взяться за мужа.

Домой Максим особенно не спешил. Жил он один, ни котов, ни собак. Ужина, разумеется, нет тоже. Может, в магазин завернуть, салат купить в кулинарии? Или ограничиться пельменями? Хотелось, конечно, окрошечки или борща холодного, но для этого надо к маме ехать или жениться.

К маме не хотелось – далеко. И она опять, конечно, начнет ныть, что ему пора жениться. От этой песни Максим просто зверел. Со своей жизнью он будет разбираться самостоятельно.

Когда-то по молодости он едва не женился на бывшей однокласснице, но та предпочла нищему менту состоятельного бизнесмена. Бизнесмен на поверку оказался мошенником, и прокуратура его лет так через пять после свадьбы почикала. Машка тогда прибежала к Максиму вся в слезах, просила помочь отмазать мужа. К тому времени она родила двоих спингрызов, располнела, и Максим, вспоминая ту встречу, никак не мог понять, что его могло так привлекать в этой плаксивой тетке. С тех пор он довольно критически относился к девушкам и даже самых стройных и симпатичных подозревал в способности немедленно после ЗАГСа преобразиться в клушу.

В кулинарном отделе он выбрал салат, заодно прихватил бутылку кваса, рыбу, запеченную то ли по-бургундски, то ли по-барселонски, и отправился домой пировать.

С подносом он расположился перед телевизором. В запахнутую балконную дверь задувал ветер с залива, в стакане пенился холодный квас, на тарелке горочкой лежал «Боцманский» салат, его любимый. И в эту минуту на кухне зазвонил мобильный телефон. Никита Мухин, кто же еще.

– Только не говори, что у нас еще один труп, – буркнул он в трубку.

– Нет, трупы нет. То есть одни старые. Я по другому вопросу. Батя с рыбалки вернулся, мать такой ухи наварила – с раками, с зеленушкой!.. Ну и все есть, что к ухе положено, – расписывал Никита. – Компанию не составите, Максим Владимирович?

Приглашение звучало соблазнительно, тем более что жил Никита в пяти минутах от него. Максим взглянул на салат, представил вареных раков с холодным пивом и потопал одеваться. Времени хоть и десять вечера, но ведь раки! А салат он и завтра съест.

– У меня еще в списке по Шумиловой осталось несколько имен, но, кажется, с Изотовой тема перспективнее, – потягивая пиво, рассуждал Никита.

– Почему ты думаешь, что перспективнее?

Надо и ему, Максиму, на балконе какое-нибудь кресло поставить. Благодать же – вот так оттянуться.

– Взрослая баба, свой ресторан – есть в чем покопаться. Опять же бывший муж, любовники.

– Так у Шумиловой тоже есть бывший муж.

– Нет, тот гражданский, бойфренд, а не муж, это несерьезно. А здесь общий ребенок.

– И что, какая связь? У этого мужа алиби. И потом, шансов, что он был знаком с Шумиловой, не густо.

– Как знать. Девица работала в магазине, он мог у нее бытовую технику купить – и закрутилось. Говорят, эта Лиза бы-

ла ничего. А жена этого Изотова, новая, могла узнать о романе мужа и нанять какого-нибудь извращенца, чтобы он соперницу отвадил и заодно бывшую жену ликвидировал. Чем плохая версия?

– Осталось доказать, что у Изотова с Шумиловой был роман. Слушай, а кто у тебя по Шумиловой остался? Кстати, захвати завтра в «Плюс видео» фото Изотова – предъявишь сотрудникам.

– Сделаю. Остались бывший хахаль Шумиловой, он в командировке был, завтра вернется, и подруга детства Алиса Терехина.

– С Терехиной я сам, ты не вмешивайся. Я ей уже звонил – не дозвонился, попробую завтра на работе навестить.

– Тогда мне еще остается тренерша Шумиловой из спортивной школы. Говорят, они до сих пор общаются, в гости ходят. Может, она что-то знает. – В голосе Никиты не было энтузиазма.

– Алиса Викторовна, меня зовут Максим Родионов. Я расследую обстоятельства смерти вашей родственницы Елизаветы Шумиловой.

Алиса Терехина была, по свидетельству отца убитой, ее ближайшей подругой. И именно до нее он уже три дня не мог дозвониться. Ее телефон или находился вне зоны действия сети, или номер был занят, или она просто не отвечала на звонки. На календаре была пятница, и Максим решил, что

пора проявить настойчивость, пока барышня не свинтила на все выходные на дачу или еще куда-нибудь. И надо же, она ответила с утра сразу на первый звонок.

– Кто? – как будто не расслышала Терехина.

– Капитан Родионов, Максим Владимирович, расследую обстоятельства гибели вашей подруги, – громче и почти по слогам повторил Максим. – Убийцу ищу. Можем мы с вами сегодня встретиться?

– Думаю, да. Но с утра у меня деловая встреча, так что ближе к вечеру. – Отвечала она как-то суетливо, может, параллельно с разговором занималась другим делом.

– Алиса Викторовна. – Максим решил, что пора сменить тон. – Боюсь, вы не так меня поняли. Совершенно зверское убийство, и вы важный свидетель. Я и так уже потерял три дня, пытаюсь с вами связаться. Так что встретиться вам со мной придется, и именно с утра. А если вы добровольно не придете, я вышлю за вами наряд.

Он еще будет под каждую пигалицу подстраиваться, когда у него два трупа на шее!

В трубке замолчали.

– Терехина, вы меня слышите? – совсем уже грубо спросил Максим и сам устыдился.

– Да. Только вот пытаюсь сообразить, что делать с заказчиком. Мы заранее договаривались о встрече.

Максим смягчился:

– Если хотите, так и быть, могу сам к вам в офис подъе-

хоть. Буду в десять утра. Попрошу не опаздывать.

Конечно, он вовсе не был уверен, что эта Терехина знает хоть что-то, относящееся к делу, но отрицательный результат – это тоже результат. Пора им уже покончить со знакомыми Шумиловой и заняться Изотовой.

Фирма «Дизайн, архитектура, строительство» располагалась в современном офисном центре с просторной парковкой, так что Максим без проблем поставил машину и в хорошем настроении поднялся на нужный этаж.

– Добрый день, моя фамилия Родионов, мы договаривались с Алисой Викторовой. – Он быстрым взглядом окинул небольшую приемную.

– Проходите, Алиса Викторовна вас ждет. – Побледневшая Оля, так гласил бейджик, махнула в сторону коридора.

– Входите. – На стук в дверь ответил громкий уверенный голос. – Проходите, присаживайтесь.

За директорским столом сидела миниатюрная брюнетка с большущими карими глазами. Максиму стало стыдно, что утром он так жестко наехал на это хрупкое создание. Впечатление при взгляде на нее складывалось такое, словно она в отсутствие родителей заняла папин кабинет и играет во взрослую. Простенькое светлое платье с черным бантиком на талии только усиливало этот образ.

– Добрый день. Максим Владимирович, уголовный розыск.

– Учитывая обстоятельства, не могу сказать, что наше зна-

комство приятно, – совершенно по-взрослому проговорила брюнетка, и ее печальные глаза стали совсем бездонными. – Слушаю вас.

У хозяйки кабинета были роскошные густые волосы и изящные ручки. В этом кабинете с безликой офисной мебелью, пустыми стенами и вертикальными жалюзи она казалась изысканным нежным цветком среди асфальтовых джунглей. У Максима даже возникла странная потребность защитить этот редкий цветок, эту дивную колибри, случайно залетевшую в грубый мир ворон и голубей, эту...

Господи, в какие дебри, в какие джунгли его понесло? Вот что значит долго жить без женской ласки. Надо срочно завести какой-нибудь необременительный романчик, вот хоть со светловолосой пугливой Олечкой из приемной. Или еще с кем-нибудь таким же простым и милым. И никаких колибри! Колибри усложняют жизнь и обходятся недешево.

Максим тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, закинул ногу на ногу и приступил к беседе.

– Вы знаете, кто убил вашу сестру?

Алиса отвечать не спешила и с интересом рассматривала своего визави. Интересный мужчина. Прежде всего он был все-таки мужчиной, а потом уже следователем, или какая у него там должность – оперуполномоченный? Алиса в полицейских делах разбиралась слабо и раньше с представителями этой профессии вживую не сталкивалась, даже с участковым.

По телефону он показался ей старше и, как бы сказать точнее, более примитивным, что ли. И уж конечно, она посчитала его законченным хамом. В жизни капитан Родионов оказался куда приятнее, с таким, пожалуй, можно иметь дело. И одет вполне прилично, даже не догадаешься, что из полиции. Да и вообще симпатичный, хотя и не в ее вкусе.

Оценка объекта окончена, теперь можно приступить к делу.

– Нет, о том, кто мог ее убить, я не имею ни малейшего представления.

– Когда вы в последний раз общались с Шумиловой – встречались, созванивались?

– Накануне ее гибели, в пятницу. Она позвонила, предложила куда-то съездить на выходные. – Совесть снова больно уколола Алису. – Я отказалась. Мы поссорились с мужем, и у меня не было настроения веселиться.

– Вам известно, какие планы были у вашей подруги на выходные? Может, она говорила, чем собирается заняться?

– Нет. Честно говоря, я была настолько поглощена собой...

У свидетельницы Терехиной был такой несчастный вид, что Максиму в ту же секунду стало ее пронзительно жаль.

– Если бы я знала, что Лизу убьют, я бы все бросила, я бы...

– Вы не можете исправить того, что случилось. Не факт, что ваше согласие встретиться с ней в тот ужасный день спас-

ло бы ее от гибели. Но сейчас вы можете помочь нам отыскать убийцу. – Он проговорил все это профессиональным «проникновенным» голосом и наклонился к ней.

– Да-да, конечно.

Капитан Родионов располагал к доверию, был отзывчив, чуток, и Алиса решила поделиться с ним результатами своих изысканий.

– Вчера я ездила к Лизе на работу, разговаривала с девочками. Одна из них сказала по секрету, что Лизу в последнее время преследовал какой-то тип. Лиза сама на это внимания не обращала, но девушка заметила, потому что год назад один такой на дорогой тачке изнасиловал ее сестру. Она теперь всегда начеку и Лизу пыталась предупредить, но та только отмахнулась.

Алиса говорила взволнованно, страстно, и он, захваченный ее историей, невольно потянулся к ней, так что в какой-то момент они едва не столкнулись лбами.

– Что за тип, как выглядит? Какие-нибудь сведения о нем есть?

Ай да малышка, ай да куколка! Вот молодец. Не то что его орлы – только глазки девицам строить, а важные сведения за них другие соберут.

– Да, вот его машина «Ниссан Кашкай» с номером, – показала Алиса.

Максим от такой удачи едва на стуле усидел. Неужели так просто?

– А кто именно из девушек сообщил вам эту информацию?

– А вот этого я вам сказать не могу. Дело в том, что с вами она сотрудничать откажется. – Алиса говорила мягко, но категорично, Максим даже растерялся от неожиданности. – Простите, это не каприз. Когда изнасиловали ее сестру, полиция очень быстро нашла и задержала виновного, а потом отпустила. Еще и пригрозила семье, что, если будут возмущаться, девушку обвинят в проституции.

– Очень понимаю вашу знакомую, но мы расследуем дело об убийстве. О зверском убийстве близкого вам человека. Думаю, в ваших и в ее интересах начать сотрудничать со следствием.

– А я думаю, что вы пока вполне можете проверить полученную информацию. Если водитель этой машины окажется причастен к убийству, я назову свидетеля. – Пигалица нагло хлопнула ресницами.

Максим почувствовал, как подкатывает раздражение. Подобная несознательность всегда его бесила. Ты, как дурак, пытаешься помочь людям, ищешь убийцу их сестры или мужа, наизнанку выворачиваешься, ночами не спишь, жизнью рискуешь. А они тебе в ответ лгут, выкручиваются, из праздного тщеславия или трусости прикрывая свои гаденькие делишки. Вставляют тебе палки в колеса, а потом ведь еще и жалуются, что ты хреново работаешь и что в полиции одни тупые козлы и взяточники сидят. А некоторые смазливые

пустоголовые куклы еще и заявляют, что сами будут решать, когда и что тебе сообщить, потому что им, понимаешь ты, виднее.

– Послушайте, девушка. – Он умел справляться с раздражением, так что сейчас был сама корректность. – Здесь я решаю, когда и что мне делать. Я, капитан уголовного розыска, выстраиваю расследование так, как считаю нужным. С меня спрашивают результат, мне за это платят жалование. И сейчас мне необходимо знать, кто именно сообщил вам о водителе «Ниссана».

– Послушайте и вы, господин капитан, – в тон ему ответила пигалица, и в глазах у нее запрыгали золотистые искорки. – Я не подозреваемая и не ваша подчиненная, на время убийства Лизы у меня имеется твердое алиби. Я уже сообщила вам все, что знала. Если вспомню что-нибудь еще – обязательно позвоню. Прошу меня извинить, но у меня масса дел. Если вы заметили, я тоже работаю, и у меня тоже имеются служебные обязанности. С меня, знаете ли, тоже спрашивают, если не начальство, так мои сотрудники, которые хотят вовремя получить зарплату. Так что всего хорошего.

Максим смотрел на девушку и не мог найти подходящих слов. Те, что приходили на ум, не могли быть произнесены без ущерба для мундира. Те же, что могли достаточно емко выразить его чувства и не уронили бы честь мундира, почему-то никак не находились. Так он и сидел, молча открывая и закрывая рот.

Алиса наблюдала за ним не без удовольствия. Ловко она поставила этого капитана на место, а то ишь, раскомандовался. Даже угрожать ей пытался, кстати, уже не первый раз. Первый был утром. Она в этот момент крутилась перед шкафом, решая, что надеть на встречу с китайским заказчиком. Ехать предстояло вместе с Ильей, а это требовало тщательной подготовки. Нужно было выглядеть по-деловому, чтобы заказчик сразу понял, что имеет дело с людьми серьезными. С другой стороны, хотелось, чтобы заказчик оценил ее как женщину, возможно, даже попытался ухаживать и заставил Илью ревновать. Звонок Родионова оторвал ее от этих раздумий. В итоге Илья поехал к заказчику один, а Алиса отправилась в офис. Как бы там ни было, Лиза для нее важнее всех заказчиков, и уж если она не смогла ее уберечь, то обязана хотя бы найти убийцу. А раз уголовный розыск, вопреки бабушкиным прогнозам, занимается этим делом, стоит все-таки им помочь.

После телефонного разговора этот Родионов представлялся ей кряжистым грубоватым служакой, добросовестным, но недалеким. И пожилым. На деле он оказался молодым, неглупым, неплохо воспитанным, только слишком самоуверенным и властным. А Алиса не выносила, когда ею помыкали. Стоило кому-нибудь начать ей приказывать, как она закусывала удила, начинала упрячиться и стояла на своем даже вопреки здравому смыслу. Сейчас был именно такой случай, и Алиса гордилась, что так умело поставила его на

место.

Волна негодования постепенно улеглась. Через пару минут Максим обрел утраченный дар речи и способность формулировать мысли без урона для звания и мундира.

– Алиса Викторовна, – он снова наклонился к столу Терехиной, – вы действительно думаете, что у меня нет полномочий принудить вас к сотрудничеству?

– А вы действительно думаете, что сможете заставить меня поделиться информацией, применяя подобные солдафонские методы? Или вы рассчитываете прибегнуть к пыткам? – Она тоже наклонилась к нему.

Максим сделал глубокий вдох, ощутил нежный, чуть пряный аромат ее духов и вдруг осознал, что стремительно теряет боевой задор. Он встряхнулся, раздул ноздри, но достойно ответить не успел.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник черноволосый тип, самоуверенный, загорелый, с неприятным взглядом маслянистых глаз.

– Алиса, у тебя все в порядке? – Он взгляделся в мизансцену, и мнимая забота немедленно уступила место искреннему недовольству.

Глядя со стороны на них с Терехиной, наверное, и в самом деле можно было подумать, что они мило любезничают, склонившись друг к другу.

– У меня – в порядке, – сухо ответила мужу Терехина. То, что это муж, для Максима было очевидно. – Ты не мог бы

выйти из кабинета? У нас с капитаном Родионовым важный конфиденциальный разговор.

Лицо чернявого мужа недовольно дернулось, но спорить он не стал и в ту же минуту удалился, прикрыв за собой дверь.

– Значит, разговор продолжается?

– Разговор окончен, – решительно ответила Терехина. – Если, конечно, у вас нет других вопросов, не связанных с моими источниками информации.

Вообще-то у Максима были вопросы. Например, его очень интересовало, что произошло между супругами Терехиными. Или что делает сегодня вечером Алиса Терехина. И еще – любит ли она прожаренные стейки и картофель подревенски. Но все эти вопросы были так далеки от его расследования, что Максим решил воздержаться.

– Пока нет. Но я бы серьезно подумал на вашем месте, что для вас важнее – покарать убийцу сестры или побереечь чувства ее коллеги.

– Не вижу противоречий. Почему поиск убийцы обязательно должен ранить ни в чем не повинных людей?

– Потому что в нашем деле время играет огромную роль, и чистоплюйские замашки сейчас только на руку преступнику.

– Значит, по-вашему, цель оправдывает средства? А знаете, кому из исторических личностей были близки подобные лозунги?

Она поднялась из-за стола. Теперь они стояли друг напро-

тив друга и сверлили один другого взглядами.

Максим опомнился первым.

– Что ж, всего хорошего. Надеюсь, совесть вас по ночам мучить не будет.

– Не волнуйтесь, по ночам моя совесть крепко спит.

Максим распахнул дверь и едва не столкнулся с мужем, который, очевидно, крутился здесь, чтобы подслушивать.

– Прощу! – Максим сделал приглашающий жест в сторону кабинета Терехиной. А еще краем глаза заметил тень недовольства на лице Алисы Викторовны. Так-то, улыбнулся он самому себе и отправился восвояси. Впрочем, в приемной он притормозил и, рассыпавшись в комплиментах, назначил свидание пугливой Оленьке. Та согласилась.

Удивительно, но общение с Терехиной не испортило Максиму настроения, даже наоборот, зарядило бодростью. Это было совсем уже непонятно, но факт оставался фактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.